

Хранитель Историй

ВОСХОД

некроманта

18+

Хранитель Историй
Восход некроманта

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хранитель Историй

Восход некроманта / Хранитель Историй — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-09605-9

Власть над самой жизнью дарована тому, кто никогда об этом не просил. Тому, чьи помыслы чисты, кого учили жить, а не славиться. Аврелиан Витанский, юноша из глубокого леса, познаёт на пути некроманта цену всеобщей любви и куда могут привести самые благие намерения...

ISBN 978-5-532-09605-9

© Хранитель Историй, 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава I	6
Глава II	23
Глава III	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Где-то на окраине величественного нигде расположенного безымянного город. В нем никто не считал невысокие скромные дома, однако всем горожанам досталось по одному, и их хватало, даже когда в город приходили новые жители. Над странным поселением навечно застыл ночной небосклон, мириады звезд сияли живым светом, окружая непомерно огромную Сиреневую Луну, ослепительную, но слабо освещающую тонкие и полупустые улочки, по которым бродила умиротворяющая ночная тишина спящего лета. В нем были и многочисленные трактиры, и цирюльни, и магазинчики, не было в нем только рабочих мест. Люди там никогда не работали, они лишь общались и наслаждались тихой размеренной жизнью, а если им и были нужны деньги по старой привычке, то те сразу же оказывались в кармане, причем точно в том числе, какое было нужно. Жители же были самыми разнообразными. Каждый из них одевался под свои предпочтения, и никого там было этим не удивить. Не нашлось бы ни одного человека, кому показалось бы странным увидеть в кабаке за одним столом господина в дорогих позолоченных нарядах с лесорубом в простецкой рубашке, беседующих о своем прошлом. В том городе вообще никто не говорил о будущем, все предпочитали лишь поминать бывшее да решать, что принесло оно им.

И был в том городе один человек, известный практически каждому давнишнему жителю. Он прожил в городе очень долго, но, как ни силился, не мог вспомнить даже своего имени. Однако в нем жил бессмертный оптимизм и неконтролируемое любопытство, потому он все время гулял, искал себе интересных собеседников и записывал их самые интересные истории. За свою жизнь в городе он заимел много разных имен, вроде «Чудак, что не может вспомнить», или «Да уберите его кто-нибудь», или просто «Свали». Но больше всех ему нравилось «Хранитель Историй», которым он и пользовался при знакомстве. И вот как-то раз он, вооруженный пером с чернильницей и неиссякаемой стопкой из десяти листов бумаги, искал себе очередного рассказчика. Хранитель вошел в один из многих маленьких безымянных питейных городов и там, сразу возле входа, за высоким деревянным столом он увидел человека, одаренного природой резким взглядом черных глаз, облаченного в дорогую черную мантию, с наслаждением потягивающего пенящийся напиток. Искатель ринулся к незнакомцу и сразу обратился со словами:

- Хорошая ночь!
- Хорошая, – ответил ему глубокий баритон.
- Скажите, а Вы уже вспомнили?
- Конечно, иначе я бы ни за что не надел такой наряд.
- А можете мне рассказать, кем Вы были?
- Почему бы и нет? Я поведаю тебе историю о величайшем некроманте всех времен...
- О призрачном драконе?!
- Нет, – мужчина явно смутился от такого вопроса. – Он, конечно, был велик, но... давай я лучше просто расскажу по порядку. В этой истории творились судьбы, и даже реки изменяли свое направление. Заинтриговал?
- Прошу, не томите!
- Мужчина мечтательно улыбнулся.
- Так вот, слушай. В маленьком городе Лине...

Глава I

В маленьком городе Лине, стоявшем среди безлюдных лесов в глубинке Империи Грифонов, лениво просыпалась заря. Лучи восходящего солнца побрели по лабиринтам узеньких улочек, родившихся среди невысоких серых домов, разгоняя на своем пути дремлющие серые тени и оседая блеском на немытые окна и осколки битых бутылок на мостовой. В своем путешествии по этим каменным тропам они натыкались на неподвижные лица первых прохожих. Спустя каких-то полчаса ленивое движение одиночек должно было превратиться в огромную беснующую по своим делам толпу, но в то время город только отходил ото сна. Один из лучей заскочил на трехэтажное коричневое здание, бывшее гостиницей, очень небольшое. Лучик терпеливо ждал, пока солнце встанет достаточно высоко и он сможет попасть внутрь. Его ожидание длилось недолго, уже совсем скоро он проник в слабо обставленную комнатку на втором этаже, с выкрашенными дешевой краской стенами, маленькой одноместной кроватью напротив окна, небольшим шкафчиком, столиком и ночной прохладой. Он угодил точно в глаза спавшего на кровати юноши. Его черные волосы немного выше плеч покрывали подушку нестройной паутиной пьяного паука, тонкий же нос сразу скривился и заставил лазурные глаза открыться. Звали его Аврелиан.

Громким стоном юноша объявил миру о своем пробуждении и с силой сжал в своих объятиях подушку. Больше всего на свете в ту минуту он желал еще немного продлить ночь, но через четверть часа все же сдался воле природы и заставил себя сесть на край кровати. Под его ногами лежал внушительный льняной мешок, полный одеждой, тканями, посудой, алхимическими зельями и прочим хламом, который он скупал последние несколько дней по просьбе и за деньги жителей его деревушки. Юноша достал из мешка клочок бумаги со списком покупок. Поскольку Аврелиан был безграмотен, он не мог прочесть записи, и поэтому листочек был изукрашен простенькими рисуночками, и пытливый молодой разум очень хотел разобраться в непонятных значках под изображениями, но безуспешно. Он всмотрелся в бумажку сонными глазами и увидел, что почти все рисунки были зачеркнуты, лишь значок кузни и непонятная надпись требовали ему сделать еще одно дело до полудня, прежде чем он отправится домой.

Юноша встал, оделся, взял свою ношу и направился вниз. В холле его встретил радушный хозяин гостиницы.

– Хорошее утро! – поздоровался тот.

– Восхитительное, – едва шевеля губами ответил юноша. – Вот, – он протянул несколько медных монет.

– Уже собираешься домой?

– Ага. Не подскажете, где тут ближайшая кузница?

– В паре кварталов. Иди на площадь революции и за спиной у статуи увидишь вывеску.

– Спасибо. Всего хорошего.

Юноша вышел, пошурился от яркого света на пыльной улице и побрел в указанном направлении, пробираясь через толпу, каждый миг набирающую силу. Неостановимый поток людей по извивающимся и ветвящимся улочкам маленького города то и дело вынуждал его изменить направление, одновременно с этим уворачиваясь от неумных уличных торговцев, совавших свои товары прямо под нос, так что до площади ему пришлось добираться не менее получаса. Там в лицо ему сразу же ударил горячий воздух от нагретой брусчатки, но это была настоящая благодать, ведь теперь Аврелиан мог видеть больше чем на метр перед собой.

Площадь была не очень большой, круглой формы, с множеством скамеечек, стоявших тремя кольцами на большом расстоянии от золотой статуи в центре. На одну из лавочек и присел еще не до конца проснувшийся юноша. Он перевел взгляд на изваяние. Это был глав-

ный символ империи: грифон, размахнувший крылья чтобы взлететь. Народ на площади давно привык к этому символу свободы и проходил мимо, но юноша из деревни в глубоком лесу не мог таким похвастаться. Он стал внимательно рассматривать мистического зверя, поражаясь скрупулезности, с которой мастера выделывали каждое перышко, каждый коготь этой статуи. Клюв полульва словно собирался открыться и что-то произнести, в маленькой щелке виднелся даже извивающийся язык существа.

Увлеченный этим зверем Аврелиан не сразу заметил людей, скопившихся вокруг статуи. Он привстал, чтобы лучше разглядеть что там происходило, и увидел у постамента человека с короткой бородой, кое-где блестящей сединой, облаченного в зеленую мантию алхимиков. Он проводил небольшое представление, чтобы похвастаться достижениями своей гильдии. Из рукава он выудил небольшой фиолетовый флакончик и выпил его содержимое. В тот же миг кожа алхимика почернела и покрылась маленькими белыми пятнышками, став похожей на ночное небо. Детишки вокруг сразу налетели на него и под его непрекращающийся смех дергали его мантию, чтобы потрогать эти очаровывающие руки и щеки. Вдоволь порадовав детей и обеспокоив их родителей, он выпил другой эликсир, после чего одной рукой поднял статую и легко перебросил в другую. Люди стали перешептываться, а некоторые потянулись к кошелькам.

Аврелиан тоже был поглощен этим зрелищем. Для него такие явления были в диковинку, ему сразу захотелось приобщиться к этим чудесам. В напряжении он ждал конца представления и вздохнул с облегчением, когда алхимик наконец выпил зелье, что сделало его кожу вновь нормальной. Интерес толпы к нему сразу угас, и он уже собирался идти по другим своим делам, но Аврелиан подбежал к нему, на ходу поздоровавшись:

– Хороший день!

– Хороший день, – улыбнулся человек в зеленой мантии. – Чем могу помочь?

– Скажите, а я могу заняться алхимией?

– Конечно, кто ж тебе запрещает? Империя только поощряет ее.

– А Вы можете взять меня на обучение?

– Я – нет. Но ты можешь поступить на обучение в гильдию, и если у тебя окажется талант, то тебя будет ждать большое будущее!

– А как и где это сделать?

– Да пойдем хоть сейчас ко мне. Можем прямо сразу тебя и проверить, а потом я свожу тебя в гильдию.

Юноша не отвечал, лишь сложил руки за спиной и отвел взгляд.

– Что такое?

– Просто я должен съездить домой, – глядя в землю, сказал Аврелиан. – Мне нужно туда кое-что отвезти. Это ненадолго, я сразу же вернусь!

– Хорошо, – пожал плечами алхимик. – Можешь найти меня на днях, я часто прогуливаюсь в этом районе, так что у тебя большой шанс встретить меня на улице. Но сразу прихвати деньги, если ты всерьез захочешь заняться алхимией.

– Спасибо огромное! Я обязательно приду! И, кстати, как Вас зовут?

– Норонин, а тебя?

– Аврелиан!

Человек в зеленой мантии улыбнулся, и они распрощались. Аврелиан очень заволновался и взглянул на небо.

– Проклятие, скоро же уезжать! – брякнул он и побежал в кузницу.

Со стороны кузница выглядела самым обычным серым зданием. Внутри же она оказалась темным и очень жарким местом, освещенным лишь пламенным светом от горна, стоявшего по центру. При одном только взгляде на него кожу обдавало сильным жаром, и юноша только поражался, как носившиеся тут и там подмастерья умудрялись не только находить здесь

подолгу, но и работать. Кузнеца же, одетого в толстый кузнечный фартук и рабочую одежду, что-то усиленно объяснявшего одному из своих учеников, он обнаружил возле наковальни. Аврелиан подошел к нему и протянул листочек. Кузнец всмотрелся и сказал:

– Деньги с собой?

– Да, конечно.

– Приходи завтра, будет сделано. Три серебряные авансом.

– Завтра?! Я сегодня уезжаю!

– Ничего не могу поделывать, заказов много. Ковать?

Юноша тяжело выдохнул и протянул монеты.

– Да. Я заеду.

– Хорошего дня.

Неожиданное разочарование как рукой сняло все недавние радости юноши. Теперь уже в скверном настроении он направился обратно на площадь, ожидать знакомого возницу. Он уставился на спину грифона, продолжая удивляться работе мастера, и вновь успокоился. Когда перед ним встала пыльная телега, он уже был в бодром расположении духа.

– Ну что, парень, как тебе жизнь города? – спросил его кучер.

– Я просто без ума! Все такое быстрое, разнообразное, шумное! Я хочу переехать сюда, – отвечал ему Аврелиан, забираясь в повозку.

– Перед тобой вся жизнь. Ты наглядишься еще и не на такое, ты увидишь такие места, что Лин тебе покажется тухлой серой помойкой, – улыбался мужчина. Юноша очень смутился от таких уверений, но чувствовал сердцем радость.

– Я стану алхимиком! – вырвалось у Аврелиана, и он застыл в ожидании реакции.

– Правда? Отлично! Будем считать, что первый шаг в свое будущее ты уже сделал. Только смотри, чтобы мама не запретила, – подмигнул кучер напоследок и тронул лошадей.

А юноша уже улетел в фантазии. Он как наяву видел, как вся деревня стоит вокруг него, и все громко восхищаются его решением. Как он будет крутить в руках колбы с эликсирами, отчего те меняли свой цвет, подбрасывал их в воздух и... Происходило что-то очень захватывающее, что он никак не мог придумать, но друзья его точно сразу же начнут ему завидовать!

Так они доехали до древнего леса, поприветствовавшего путников шепотливым шелестом листвы, в котором находилась деревня Контанто, откуда и был родом молодой человек. Там они распрощались, и Аврелиан, миновав всего пару метров леса, обнял первый попавшийся ствол. Лесной воздух наполнил легкие сладким расслаблением, отчего юноша сразу почувствовал уют: теперь он был дома. Быстрая жизнь Лина ему понравилась, зажгла, но ему все равно было сложно представить свое будущее без царапин на лице от очередного лазания в гущу прохладной кроны. И в тот момент он бы влез наверх, но ему хотелось поскорее избавиться от тяжелого мешка, потому он лишь посмотрел в небо. Белые облака продолжали свой извечный путь ниоткуда никуда, мирно и спокойно. В одном из них ему привиделась толстая черепаха, и только он захотел придумать ей прозвище, как неожиданно его череп словно налился магмой, отчего юноша съехал на землю и схватился за голову с тяжелым стоном.

Аврелиана заполнило отчаяние, как будто инородное, как если бы это был яд, хищно расплывающийся по его венам. Он забился в агонии, ему казалось, что его тело покрылось хитросплетением ниток, и таинственный швей принялся резко их затягивать. Из-под закрытых век он увидел, что его на мгновение накрыла огромная тень. Затем резкий порыв ветра обдал Аврелиана холодом до костей, после чего боль прошла. Слезящимися глазами он посмотрел в ту сторону, куда двигалась тень, и обомлел: в небе стремительно удалялся огромный красный дракон, с древним шрамом от левого крыла до кончика хвоста.

В холодном поту молодой человек вскочил и понесся в сторону дома, бросив свой мешок лежать на земле. Он так спешил, что весь покрылся синяками от ударов то и дело встречавшихся по пути веток, несколько раз он падал, но продолжал стрелой нестись домой. Ближе к

Контанто картина вечного покоя сменилась, все деревья были скручены, выгнуты разнообразными дугами и зигзагами, и это зрелище придало еще больше скорости ногам юноши. Впереди он увидел один из домов и замедлился.

«Если дома стоят, то значит все в порядке», – подумал он, пока тщетно пытался отдышаться. Его легкие норовили вылезти из горла, а сердце стучало громче ломающихся веток под ногами. Медленным шагом он подошел к деревушке, и его потрясла тишина, ужасающая в такое время суток в месте, где живет немало людей. Он остановился и с надеждой стал вслушиваться, мечтая услышать хоть какой-то человеческий звук, но в воздухе не было даже пения птиц, не говоря уже о разговорах. Аврелиан вновь ускорился, и, миновав угол того дома, вскрикнул от ужаса. На крыльцах, посреди дороги, в дверях – везде лежали мертвые тела его соседей, и все застыли в неестественных позах, выгнутые как те деревья, с застывшим выражением ужаса на лицах. Притом крови нигде не было видно, трупы были совершенно целыми, словно их просто отравили.

Аврелиан не успел ничего подумать. Он бросился к своему домику. Влетев на крыльцо, которое так и не починили за много лет, он дернул дверь, но она не поддавалась. Тогда он просто выбил ее невесть откуда взявшимися силами и влетел внутрь, после чего сразу же выпрыгнул обратно. Он стал задыхаться, взгляд путался и искал себе место, резкая боль в груди пронзила его, как ледяное копьё, при виде лежавшей на полу лицом от двери матери. Аврелиан сел на ступеньки и схватился за голову. Слез не было, только страх и пелена, застлавшая мысли. Он сидел так долгие пять минут, не пошевелив ни единым мускулом. На пару мгновений его взгляд прояснился и вцепился в еще один труп. Новая волна боли прошла по телу, и юноша закричал, после чего бросился в лес. Он неся, не разбирая дороги, но скривившиеся деревья не позволяли его разуму покинуть мертвый дом. До самого вечера он бегал, кричал, бился головой, заламывал руки, пока не упал без сил на землю и не провалился в забытие.

На следующее утро он очнулся ото сна без сновидений. Пока он спал, какая-то ветка воткнулась в его бок и разодрала его до крови. Когда он почесал больное место, видения минувшего дня впились в его разум и забрали все те немногие силы, что даровала ему ночь. Аврелиан встал и молча побрел в сторону Контанто. В его душе непрерывно отчаяние сменялось покорным спокойствием, перераставшим в злобу, доходившую обратно до отчаяния. Когда он пришел и вновь увидел ужасающе спокойную картину, в его голове прозвучала первая мысль за это утро: «Их надо похоронить». На одном из краев деревни оказалась небольшая площадка, покрытая пеплом, и ее юноша решил использовать как кладбище.

Аврелиан пошел в свой дом. Там его чуть не стошнило от вида трупов, но он преодолел этот позыв и взял сперва тело своей матери. Он перебросил ее через плечо и понес к будущему кладбищу. Он боялся смотреть в ее лицо, ему казалось, что стеклянные глаза смотрят на него с укором. Затем он принес своих младших брата и сестричку, чувствуя не имеющую смысла, но очень сильную вину в том, что он не погиб вместе с ними. В неподвижной тишине юноша стоял перед телами родных, пока холодные ручейки слез стекали по его щекам на землю. Ему хотелось дождя, чтобы он мог скрыть его слезы, чтобы мокрая одежда поддерживала холод в его груди, но неумолимое солнце не желало входить в его положение. На одном из дворов юноша нашел лопату. Ключья выжженной земли полетели во все стороны, чтобы принять семью сироты в свои вечные объятия. Аврелиан погрузился в работу, чтобы сбежать от мыслей. Когда последняя горсть грунта упала на их головы, юноша взялся за остальную деревню. Два дня он носил тела, закапывал их и спал без снов. Если же его одолевала лень, перед мысленным взором возникало лицо его матери, ее пронизывающий взгляд, что требовал дать людям справедливое упокоение.

Наконец с кладбищем было покончено. Замерзший и голодный, юноша покинул свой погибший дом. Теперь ему была одна дорога: в Лин. Уставшие от непрестанной работы руки зудели и болели, некогда ровная осанка согнулась под тяжестью мыслей о мрачных перспек-

тивах, живот же скрутило от голода и жажды. Ему казалось, что он деревянный механизм, бездумно управляемый неизвестным мастером. Все это время по его спине бежали мурашки, его не покидало чувство, что за ним кто-то наблюдает, но ему было все равно. По пути он наткнулся на свой брошенный мешок. Аврелиан выбросил из него все безделушки, оставив лишь деньги, некоторую одежду и посуду. Он взял его с собой и вышел из леса.

Мимо проезжала телега,пряженная мулами. Кучер увидел, как из леса вышел грязный человек, с трудом передвигавший ноги.

– Тебя подбросить? – спросил он.

Аврелиан ответил слезившимся взглядом, после чего взобрался к грузу. Кучер не стал лезть с расспросами, хотя вся его натура кричала об этом, но он многое понял и из нависшего молчания. До Лина они добрались благополучно. Юноша бросил монету вознице и направился в первый попавшийся трактир. В этом заведении царил традиционный для всей империи полумрак, скрывавший лица немногочисленных посетителей и даривший блаженную прохладу, нарушаемый только светом одиноких свечей на столах. В душном заведении стояли как большие столы для компаний, так и небольшие круглые столики для посиделок максимум втроем. В трактире громко гудели разговоры. Юноша подошел к стойке с трактирщиком, едва различимым, и заказал себе плотный обед и много выпивки, после чего уселся за один из маленьких столиков. Боль в желудке заставляла его держаться за живот и сидеть чуть скривившись, пока он ожидал еду. Когда же запах жареного мяса ударил в ноздри, он набросился на еду, после чего стал давиться горькой серой жидкостью и дал наконец всю волю переполнявшим его чувствам. Шероховатый стол послужил отличным собеседником бившейся об него голове, верещавшей лишь гласные звуки. До крови в пальцах юноша царапал свой стул, когда терял равновесие и пытался удержаться. Еще несколько глотков заставили его уронить и разбить кружку, так что ему пришлось ватными ногами, качаясь как маятник, идти к стойке просить новую. Трактирщик попытался его поддержать:

– Да ладно, парень, она еще пожалеет об этом!

Сначала Аврелиан замолчал и удивленно уставился на него, но затем, когда до него дошел смысл сказанного, он залился безумным смехом, поскользнулся и упал. Перед глазами вспыхнуло ночное небо и наступила темнота.

Проснулся он на жестком матрасе в низкой комнатухе. Сколько прошло времени сказать было сложно, так как окон в помещении не оказалось. Юноша лежал в луже своей крови и отрывки, кости были словно сделаны из льда, а во рту только песка не хватало для полной картины сухости в нем. Немыслимых усилий ему стоило поднять веки, о движении других частей тела не было и что говорить. Ему казалось, что он превратился в холодное желе, которое очень не хотело растекаться, но любое движение начинало его распад. Глаза высохли, так что через новую боль он их прикрыл, но вместо ожидаемого мрака перед ним была палитра художника, которую уронил ребенок. Даже дышать ему было больно, поскольку воздух казался ему как минимум пламенем солнца. В этих мучениях он услышал голос:

– Проснулся? – Аврелиан издал протяжной стон. – Отлично. Выпей это, тебе полегчает.

Некто из-за круговорота цветов приблизился. Чья-то твердая рука взяла мягкого как мокрая глина юношу за спину и приподняла, а другая приставила ко рту что-то стеклянное, откуда в нутро несчастного полилась прохладная жидкость. Юноша поперхнулся, поскольку глотать было так же сложно, как и делать что-либо еще, но когда живот наполнился той влагой, то ему и правда стало лучше. Усталость оставалась, но мучения прошли. Аврелиан вновь открыл глаза и увидел перед собой знакомое лицо алхимика Норонина, который тотчас отнял у него пустую колбу и протянул графин с водой.

– Так-то лучше. Что у тебя стряслось?

Аврелиан уставился в свои ноги, не решаясь ответить. Алхимик уселся рядом на полу и сказал:

– Я вчера случайно здесь оказался и увидел тебя, лежащего на полу. Я снял тебе на сутки комнату. Что бы то ни было, встряска была у тебя ужасная, – у юноши взмокли глаза, и он держался изо всех имевшихся сил, чтобы не дать воли слезам. Алхимик взял его за плечо, и взволнованно продолжил: – Парень, да что с тобой?

Аврелиан, не глядя на собеседника, сделал самое спокойное лицо, какое только мог, и ответил:

– У меня умерла вся деревня.

Норонин отстранился от него, а сирота уткнулся лицом в матрас. Алхимик долго смотрел в сторону, а затем извлек откуда-то из-под одежды маленькую горелку, колбу и пару мешочков. Он сказал:

– Вот что мы сделаем: я пойду куплю еще выпить, а ты пока сделай зелье для отрезвления. Просто насыпь в колбу маленькие горсти порошка из каждого мешочка, залей водой и поставь на горелку. Как только цвет раствора сменится на золотой, убери колбу и потряси четыре раза.

После этих слов старый алхимик отдал все юноше, щелчком пальцев зажег горелку и ушел. Аврелиан, почувствовав поддержку, немедленно стал действовать. Он осторожно насыпал в колбу порошки, залил водой из графина и поставил на огонь. Цвет жидкости долгое время менялся то в лиловый, то в коричневый, и за каждым его изменением юноша следил так, словно от этого зависела его жизнь. Наконец раствор блеснул золотом и в самом низу сосуда стал чуть-чуть оранжевым. Юноша схватил сосуд и потряс ровно четыре раза. После этого он поднял глаза и увидел перед собой улыбающегося Норонина.

– Отлично сработано! А теперь давай пить.

Серая жидкость полилась в их желудки. Скоро Аврелиан снова потерял контроль над чувствами, и они подчинили его. Он поведал своему единственному ныне знакомому все свое горе, не скупясь на краски. Алхимик внимательно ловил каждое слово горечи, вылетавшее из губ Аврелиана. Юноша вспомнил каждый момент, когда он не спал, так что зелье постепенно опустошалось и еще до конца разговора кончилось. Аврелиан трясущимися руками повторил прошлый алхимический опыт, и, после победной тряски колбой, закончил рассказ уже спокойно.

– Мне сложно даже представить твой ужас, – сказал алхимик, когда Аврелиан закончил.

– Даже мне самому сложно. И ведь знаете что? Я совершенно не представляю, что мне дальше делать.

– Ты же хотел стать алхимиком. Мне кажется, это подходящий момент.

Аврелиан в этот момент протрезвел бы, даже если бы не пил золотой раствор. Он снова помрачнел и тихо сказал:

– Но ведь... Разве я сейчас могу?

– А почему нет? Сейчас тебе жизненно необходимо отвлечься, а упорный труд очень с этим поможет.

– Я же могу погрузиться в скорбь и что-нибудь напутать.

– Для этого и нужно обучение. Простое зелье ты создать можешь, а большего от новичка и не требуется.

– Но ведь... Откуда мне знать, что я смогу стать умелым алхимиком? Все же это был мимолетный порыв души, а не ясная цель.

– Сперва нужно попробовать. Вот что, Аврелиан. Я предлагаю тебе выбор. Либо ты займешься алхимией и станешь снова нормальным человеком. Либо продолжишь тонуть в своем горе, истратишь последние деньги и погибнешь, не использовав шанс, что тебе дала жизнь. Ведь неспроста она таким способом оставила тебя в живых и показала алхимию прямо накануне... ну ты понимаешь.

– Звучит как-то наивно.

– Хорошо.

Норонин встал и неспешно направился к выходу. Аврелиан метнулся за ним и преградил выход.

– Я согласен!

Алхимик улыбнулся.

Они последовали в единственное здание с башней во всем городе. Это было старое кирпичное сооружение в четыре этажа, из центра которого выходила круглая башня, довольно низкая. Строение было приземистым, с немногочисленными окнами, выкрашенное в кислотно-зеленый цвет, кое-где пестревший серыми пятнами отвалившейся краски. Над входом гордо красовался герб гильдии алхимиков – медный хамелеон в хрустальной колбе. Аврелиан слегка замешкал у дверей, залюбовавшись реалистичным глазом животного, будто испытующе смотревшим на него. Норонин поторопил юношу, и они вместе вошли в просторное помещение со спертым воздухом и парой старых кресел. Алхимик жестом указал Аврелиану сесть, а сам пошел в одну из дверей.

В душе юноши чувства боролись за место в его разуме. Боль утраты ленивой лавиной покрывала его память, нашептывая ему суеверный страх перед непочтительностью к умершим. Под лавиной взрывались радость новых начинаний, из-за которых юноша изучал каждый миллиметр окружающего пространства. Он всматривался в каждую трещинку старой стены, но едва ли мог ее вспомнить через мгновение. За этим занятием он не заметил, как Норонин вернулся вместе с другим пожилым человеком примерно тех же лет, что и сам алхимик, который с любопытством рассматривал новоприбывшего. Аврелиан вскочил и поздоровался:

– Хороший день!

– Определенно хороший, – ответил незнакомец. – Так что ж, ты собираешься заниматься алхимией? Похвально. Мне тебя очень хорошо зарекомендовали. В бессилии и без навыков создать зелье, даже если самое простое... Ты определенно способный.

– Спасибо, – юноша посмотрел в пол, изредка приподнимая глаза. – Но разве это так уж сложно было? Просто я следовал указаниям.

– Возможно. Может, тебе и повезло. Но твоя внимательность точно была похвальной, не вздумай спорить. Впрочем, мы тебя еще проверим, вернее, твоя учеба тебя проверит. Пойдем, запишем тебя.

Два алхимика пошли в другую дверь, и Аврелиан последовал за ними. За ней были коридоры, такие же старые и неухоженные, но чистые. Они пришли в кабинет со старой мебелью и давящим низким потолком, на который, видимо, пожалели краски. Норонин не вошел с ними, так что юноша остался с незнакомцем один на один.

– Вот что, – начал алхимик с ниоткуда взявшейся серьезностью, быстро выбрасывая изо рта слова. – Учеба у нас требует первого взноса в пять серебряных. У тебя имеется? – Аврелиан кивнул и вынул из кармана кошелек, откуда извлек монеты и положил их на стол. – Очень хорошо. Я Онторлиан, наместник гильдии в этом регионе. Учить тебя будет твой друг. Все книги и реагенты будешь получать от него. Стипендии и зарплаты у нас нет, придется продавать свои наработки людям города. Твой успех зависит только от тебя. Будешь усердно стараться и хорошо сдавать экзамены на повышение степени, то может быть, лет через пять, займешь мое место. Будешь лениться – до конца жизни останешься учеником и будешь влачить жалкое существование. В целом все. Вступаешь?

На несколько мгновений Аврелиан засомневался, но за неимением иного решительно кивнул.

– Имя и фамилия?

– Аврелиан Витанский.

Онторлиан записал его имя в большой коричневый журнал и кивнул на дверь.

– Поздравляю! – улыбнулся Норонин вышедшему юноше.

Тем же днем юношу поселили в небольшой келье с кроватью да столом. Норонин взял с собой фолиант, и, усевшись с юношей за стол, раскрыл его на первой странице. Множество непонятных закорючек сильно смутили Аврелиана, а Норонин вздохнул:

– Читать ты, как я понимаю, тоже не умеешь? – Аврелиан кивнул. – Эх, ладно. Начнем с алфавита...

Дни стали незаметно сменять друг друга. Аврелиан всеми силами старался забыть в учебе, потому ловил каждое слово своего наставника. Каждый день Норонин приходил к нему в келью, взяв с собой тот или иной реагент для зелий, и подробно рассказывал об их свойствах. Юноша сидел, не разгибая спины, и до луны корпел над эликсирами, параллельно вызубривая алфавит, очень опасаясь забыть какую-либо букву. Скоро, когда уже боли в спине перестали быть лишь мимолетным утренним воспоминанием о долгой ночи, а стали серьезной проблемой, молодой алхимик уже всю читал учебные тексты, и его навыки стали расти, как некогда росло его горе. Тогда же старый алхимик спросил его, не хочет ли он выйти в свет и познакомиться наконец с согильдийцами.

Это предложение потрясло юношу. Аврелиан ни разу об этом не задумывался. Конечно, он выходил несколько раз из своей комнатки.... Или нет? С уверенностью на этот вопрос он ответить не мог, ведь еду ему за его деньги покупал Норонин, и особых поводов выходить у него не было. Однако ехидная улыбка старого наставника, к которой он так привык, обезоружила его сомнения, и молодой алхимик согласился. Норонин сказал ему быть готовым вечером и оставил юношу наедине с эликсирами. В груди налилась тяжесть, он уже не мог сосредоточиться на учебе, отчего ни одно зелье у него не получалось, и, когда одна из склянок с громким хлопком взорвалась прямо в его руках, он смирился и просто стал ожидать вечера.

Наконец вечер наступил. Аврелиан надел саму чистую из двух своих мантий и осторожно приоткрыл дверь своей кельи. Старые коридоры были пусты, и юноше ничего не оставалось, как самому пойти искать людей. Все же Аврелиан признал, что не выходил из комнаты за все время обучения, поскольку заблудиться он смог буквально за пару минут, и стал судорожно носиться по зданию в поисках хоть какого-то выхода, пока не услышал гул голосов парой этажей выше и не направился на него. С каждым шагом гул все нарастал, и к тому моменту, как юноша добрался до крупного обеденного зала, ему стало страшно. Но вот перед ним появилась исцарапанные, с трудом держащиеся на петлях двойные двери общего обеденного зала. Аврелиан медленно приоткрыл их и заглянул внутрь. По следам от пыли на полу было понятно, что некогда множество столов стояли стройными рядами по всей площади зала, но теперь это походило скорее на воспоминание. Все же это был главный праздник Империи Грифонов, День Восхода Человека, сотни лет назад ознаменовавший конец ужасной гражданской войны. И добродушные алхимики всех возрастов праздновали как полагается. Все что-то друг другу кричали, разливали выпивку собственного производства, иногда перебрасываясь некоторыми взрывающимися склянками, отчего столов каждые несколько минут становилось все меньше. В запахе гари, пота и спирта кто-то, заваленный грудой досок, вдруг запел песню победы, и в зале все стали собираться в шеренги, взявшись друг с другом за плечи, и принялись изображать марш на месте, отчего пол затрясся как при землетрясении. Аврелиан лишь осторожно прислонился к стене и смотрел на это безумие, не в силах к нему присоединиться, с одной лишь надеждой, что его никто случайно не убьет. Пронесившиеся мимо оупевшие лица совершенно не побуждали его выпить что-либо, а те немногие, что решали обратиться к юноше, очень быстро теряли интерес и возвращались к ожесточенным спорам о великом. Аврелиан подождал, пока пройдут еще три импровизированных марша, после чего ушел обратно к себе, с легким чувством опустошенности.

На следующий день Норонин не стал ничего говорить об этом, и тему выхода Аврелиана в общество пока оставили. Молодой алхимик снова погрузился с головой в учебу, скоро

ему принесли полноценный алхимический стол: очень сложное сооружение с крутящимися при помощи десятка рычагов частями столешницы, несколькими горелками разной мощности и кучей колб. Целую неделю Аврелиан потратил только на то, чтобы выучить, какая часть как работает, и даже после этого хитрый механизм отказывался быть послушным в его руках. Однако он тренировался, больше ему уже не требовался ежедневный приход наставника, книги стали его лучшими друзьями. Его отчужденность и стремление удачно совместились, и молодой алхимик, когда возникала нужда в напарнике при изготовлении зелья, изобретал способ, как сделать его в одиночку. Норонин только хвалил юношу за изобретательность, и даже помог Аврелиану получить пару патентов, иными словами, заработать на этом.

И это было очень кстати, ведь запас денег из Контанто стремительно кончался из-за естественных нужд, да и за реагенты ему выставляли счет в конце каждого месяца. И все же Аврелиану пришлось признать, что выбора у него нет и ему придется идти на рынок. Он спросил у своего учителя, какие зелья лучше продаются, запасся ими и направился на улицу.

Лин встретил юного алхимика легким ветерком и слепящим солнцем. Юноша встал неподалеку от гильдии, уселся на лавку, достал зелья и вмиг покрылся потом. К нему подошла пожилая женщина в недорогих одеждах, и быстро спросила ртом с половиной зубов:

- Чем торгуешь?
- А, э, у...
- Ясно. Есть что от головы?
- Да-да, сейчас.

Аврелиан тут же полез в свою сумку и извлек нужный эликсир. Женщина бросила ему десять медяков и тут же прильнула к бутылки, после чего направилась дальше по своим делам. «Так, вроде бы все не так страшно», – подумал юноша.

Однако к нему долго не подходили. Прохожие изредка бросали взгляд на незадачливого торговца, но не останавливались возле него. Под вечер к нему подошел еще один покупатель, парень с заговорщическим взглядом, и купил себе зелье бодрости за половину серебряной. Так Аврелиан и ушел практически со всем, с чем прибыл. В келье его встретил Норонин, вместо приветствия спросивший:

- Ну, как тебе опыт торговца?
- Так себе, – Аврелиан не смотрел на наставника и сразу взялся за очередное зелье. – Я думал, будет как-то проще.

– Ты думал, что самое сложное – это изготовить зелье? – наставник громко засмеялся. – Нет, мой мальчик, продажа – это куда более сложное искусство, и требует большой изобретательности.

- Блеск и треск! Я-то наивно полагал, что учусь алхимии, а не уличной торговле!
- Такова жизнь. Да и никто же не заставляет тебя всю жизнь торговать на улице, ты вполне можешь найти себе добрых друзей и помощников, что будут делать за тебя эту работу.

Аврелиан сдавленно зашипел, и у него дернулся палец, отчего колба на столе опрокинулась и упала ему на штаны, которые тотчас загорелись. Юноша сорвал их и побежал на поиски воды. Когда он ее нашел и прибежал обратно, огня уже не было, хотя штанам было еще гореть и гореть. Аврелиан вопросительно глянул на улыбающегося наставника.

- Магия, мой мальчик, магия.
- А если серьезно?
- А я разве несерьезно? Аврелиан, ты видел своими глазами дракона, и после этого еще сомневаешься в существовании магии?

Юноша озадачился. Он всеми силами старался избегать мыслей о Контанто, но на ум все равно пришел их лекарь, загорелый мужчина, лечивший его односельчан простым наложением рук. Однако всю жизнь Аврелиан считал магию чем-то недоступным для простых людей, эда-

ким чудом, дарованным от рождения, и то, что пускай и опытный, но обычный алхимик так может, очень удивляло.

– Но, как?..

– Просто немного учебы. Огненная магия – просто навык и не более.

– То есть Вы можете сжечь целый дом, например? – спросил он, впившись в лоб Норонина вылезавшими из орбит глазами.

– Ну нет, ты уж загнул. Я тебе не маг Конклава. Я лишь научился крайне полезному минимуму. Например, сейчас я забыл про спички и щелчком зажигаю свечи и горелки. Да и от таких вот пожаров тоже спасает.

– А меня можете научить?!

– Тебя? Я? Нет уж, уволь. Понимаешь, магию нельзя выучить по книгам, тебе нужен полноценный учитель.

– Но Вы же умеете что-то! Просто помогите мне начать.

– Аврелиан, если ты захочешь стать кузнецом, пойдешь ли ты в ученики к подмастерью, что только неделю как впервые взял в руки молот? С магией все еще сложнее, тебе сперва нужно войти в определенное состояние, а я слишком мало знаю, чтобы даже описать его. Я же лет десять назад научился разжигать щелчком свечи, и только этим и пользовался.

– А где мне найти учителя? Вы можете меня с ним познакомить?

– Увы, у нас Конклав не обитает, в западной империи зона влияния нашей гильдии. Конечно, у меня есть такие знакомые, но они слишком далеко.

– А что за Конклав?

– Ну... это что-то вроде гильдии магов, только не вздумай их так называть в присутствии одного из них, если не хочешь получить молнией в лицо. Понимаешь, в древней гражданской войне, Войне Ткачей, Конклав играл роль главной силы повстанцев, поэтому они терпеть не могут, когда к их прошлому относятся так непочтительно.

– И что, у меня нет совершенно никаких возможностей?

– Почему же? Возможно, здесь будет проезжающий маг, на западном побережье же сейчас война, и он, возможно, возьмет тебя в ученики. Да и первые маги были самоучками, что не помешало им стать владыками мира. Но хватит лирики, ты учись давай!

Аврелиан вернулся в привычное русло. С каждым днем его навыки алхимика росли, но теперь его не отпускала мысль о магии. По ночам он упорно старался разжечь свечу силой мысли, но она всегда оставалась неизменной, так что Аврелиан проваливался в сон огорченный и бессильный. Иногда он пытался вернуться к разговору об этом, но Норонин был непреклонен.

Выходы в повседневную жизнь стоили Аврелиану сильных головных болей. На своей лавочке он порой просто сидел, уставившись в голубое небо, надолго забыв об окружающем мире, просто тонув в гуле города. Подходили к нему лишь некоторые старики, которым просто было нужно то или иное лекарство, стоившее сущую мелочь, прочие же люди миновали юного алхимика. Аврелиан иногда наблюдал за своими согильдийцами, очень упорно лезшими к проходим с целью наживы, чем сильно раздражали юношу, но к концу дня их кошельки звенели громче и приятнее его, потому после он их по нескольку дней не видел. Ему же приходилось каждый день выходить и пытаться продать хоть что-то.

Он сильно исхудал и побледнел из-за экономии на еде, чтобы продолжать свое обучение, его взгляд потух окончательно. Если бы его поставили за черной ширмой с маленьким прямоугольным вырезом для глаз, то по ним можно было решить, что за ней стоит древний старик. Некоторые зелья он стал сам пить, чтобы как-то держаться в форме, но чувство голода, ставшее его верным спутником, не давало толком насладиться этим. Норонин был единственным, кто старался поддерживать несчастного юношу, но никак не мог придумать, как спасти его от скорби, наплывавшей на него каждую минуту, когда он не был занят. Он решил, что юношу надо перевести в другое отделение гильдии, о чем ему и сообщил, но юный алхимик отказался.

А гильдия, тем временем, занималась производством боевых зелий для войны на западном побережье, в последние несколько месяцев разгоревшейся из-за набегов заморских захватчиков. Из-за политических интриг на севере и на востоке Империя Грифонов не могла дать им достойный отпор, так что безопасная линия, условно ограничивающая зону вторжения, медленно расширялась вглубь материка.

Хотя Лин и был очень далеко от столицы, люди все равно стремились перебраться ближе к ней, поэтому слабые попытки Аврелиана продать зелья все чаще стали заканчиваться ничем. В конце очередного дня, когда юноша не смог продать вообще ни единой колбы, он направился в комнатку Норонина, но обнаружил его не в одиночестве. Алхимик сидел в кресле рядом с женщиной со спокойным голосом и прямым взглядом, без малейшего изъяна на коже. Тот был одет в белый плащ с парой голубых линий вдоль всей его длины. Юноша сразу развернулся, чтобы уйти, но наставник его остановил:

– Постой! Считай, что тебе очень повезло.

– В каком смысле?

– Помнишь, ты магии хотел учиться? Так вот, этот уважаемый господин – один из моих старых друзей-целителей, – незнакомец кивнул. – Пообщайтесь.

Норонин тут же встал и быстро вышел из комнаты, оставив Аврелиана наедине со своим другом.

– Вечно он так, – начал мужчина. – Сохраняет горячность крови даже в своем возрасте. Я – Текотек.

– Аврелиан. Я думаю, нам не стоит об этом говорить. В смысле, о магии, я сомневаюсь, что из этого что-то получится.

– Само собой. Это Норонину вечно нейдет что-нибудь исправить и прочее, и прочее. Мне он говорил, что ты сильно увлекся этой темой.

– Ну, да, было такое. Но это так, стихийное. Знаете, интересно было, когда узнал, но сейчас я успокоился.

– Ага, понятно. Нравится тебе алхимия?

– Ну да, конечно. Я целыми днями стою за алхимическим столом, творю всякое разное.

– И много изобрел?

– Ну, некоторые сложные зелья научился варить в одиночестве, недавно случайно создал зелье, подавляющее запахи, хотя оказалось, что я просто про рецепт не знал. Потихоньку познаю эту науку.

– И как ощущения?

– Ну, так. Спина немного побаливает, и я все время немного уставший, но в целом я доволен.

– Подойди сюда.

Текотек жестом поманил юношу, а затем положил на его спину руки. Сперва Аврелиан дернулся от неожиданности, но его тело словно прилипло к рукам мага. Затем по его телу прошла волна боли, ему казалось, что его рвут на части изнутри тысячи маленьких жучков. Юноша громко застонал, но очень скоро все прошло. Он сильно вспотел и тяжело задыхался. Он посмотрел на мага и обнаружил, что как будто стал выше ростом.

– Что Вы сделали?!

– Подлечил мышцы твоей спины и немного прочистил позвоночник от соли. Извини, не удержался, профессия вынуждает.

– Я же не просил! С какого перепуга Вы полезли не в свое дело?

– Я же говорю, профессия такая. Если хочешь, могу вернуть, как было.

– Обойдетесь. Я пошел!

Аврелиан развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Его живот словно наполнился едкой кислотой, глаза впивались в облезшие стены, словно те были его злейшими врагами. В

тот момент ему одновременно страстно хотелось встретиться с учителем, но также ему было немного страшно за старика, вернее за то, что разозленный юноша с ним может сделать, потому он поскорее вошел в свою келью и заперся. Аврелиан сел за стол и принялся истошно стучать по столешнице до тех пор, пока не смог достаточно успокоиться, после чего выпил снотворное и лег в постель.

Обычно его сон был очень беспокойным, несмотря на любые алхимические средства, но эту ночь он проспал как убитый, а утром воскрес в одно мгновение. Крайне удивленный, он вновь пошел на рынок со своим ассортиментом.

– А ты сегодня здорово выглядишь, милоч, – сказала ему женщина, каждую неделю покупающая у него средство от головной боли. – Али свои зелья замечательные сам пить начал?

– Да вроде нет. Проснулся сегодня удачно.

– Ну, здорово. Мне бы как обычно, чтоб голова не болела.

– Пожалуйста, – Аврелиан протянул ей колбу и взял с ее рук монеты.

– Видать, так до конца дней и буду все тратить на свою несчастную голову. Прощай, милоч!

– Прощайте. Алхимические зелья и эликсиры для военных и личных целей! Не проходим мимо, покупаем, покупаем! – кричал он уже в сторону улиц.

Аврелиан тут же поразился своему выпадку. До этого ему казалось чем-то невозможным обратиться к толпе, а сейчас он даже не подумал об этом страхе. Несколько прохожих, часто видевших его, с нескрываемым любопытством подошли к так внезапно изменившемуся юноше. Аврелиан все списал на секретное чудо-зелье, что вот-вот будет выпущено в массы, и принялся расхваливать прочие свои товары. В этот день он заработал на свои потребности в несколько раз быстрее, чем обычно, но так загорелся процессом, что до заката не думал уходить. Лишь когда в домах стали затухать огни, он все же покинул свою лавочку и пошел в здание гильдии. По пути он встретил Норонина, упорно делавшего вид, будто он спешит по важным делам, но все же тот поздоровался:

– Привет! Как успехи?

– Отлично, сегодня я неплохо заработал. А Вы как?

– Неплохо, но у меня дела, извини.

И он пошел дальше. Аврелиан пожал плечами и пошел обратно в комнату. Там он вновь засел за древние манускрипты, но впервые за долгое время испытал от этого скуку, отчего встал и пошел на свежий воздух.

Это была его первая полноценная прогулка после случая похорон. Он наконец-то наслаждался сумерками, немногие фонари теперь не вызывали в нем ассоциаций с горелкой, теперь в них он видел глаза ночного покоя, мирное потрескивание огней в закоптевших стеклах вызывало в нем желание посидеть у костра в глухом лесу. На улице уже почти не было людей, от их уставших лиц сердце юноши сжималось в мимолетной жалости. На стене одного из домов он увидел повисшего молодого согильдийца, который тихо шептал что-то в едва приоткрытое окно. Аврелиан вспомнил, что он молод, когда его кольнула легкая зависть от этой сцены. Он порадовался, что не видел той счастливицы, а то мало ли, что произошло бы. Миновав пару переулков, он услышал жалобное мяуканье откуда-то сверху: котенок застрял на дереве. Юноша усмехнулся и полез его спасать. Он решил не пить зелье ловкости, потому лез немного неловко и медленно. Затерявшись среди ветвей, он ласково позвал испуганного малыша, и тот отзывался удивленным «мяу». Юноша взял его за шкирку, но неудачно поставил ногу и свалился с ним на землю. Котенок потерял о его лицо лбом и лизнул в щеку, после чего убежал. Аврелиан продолжил лежать на земле и засмеялся.

– Не буду строить из себя дурачка. Надо поблагодарить этого мага за все это.

Решительный юноша не сразу направился домой. Еще некоторое время он смотрел на звезды, в их хитром рисунке он искал тайные знаки, которые все равно не мог объяснить,

но наслаждался самым мысленным действием. Жизнь так резко вернулась в тело молодого алхимика, что ему хотелось запеть. Он припомнил слова из песни с недавнего празднования, и тихо замычал себе под нос:

«У падшего дракона
Нет такого слова,
Что победит людей
И радость их идей!
Мы с гордостью стояли,
За близких погибали,
Чтоб крикнули уста:
«Грифон летит, ура!»

И тут же рассмеялся. Ему так захотелось поскорее восполнить все, что он пропустил за последние полгода, скорее поговорить ни о чем со своими ровесниками, да и не только с ними, что у него закружилась голова. Он вскочил и побежал в свою уютную комнатку, чтобы поскорее насладиться скорым пробуждением и новым счастьем. Он чуть не выбил свою дверь, обронил одну из книг, когда хватал свое зелье для сна, бросился в кровать и мгновенно уснул.

Наутро он направился к Норонину. Алхимик был один, и он тщательно строчил какие-то бумаги.

– А, Аврелиан! – от скрипа двери он поднял голову. – Извини, я сейчас занят. Тебе что?

– Я просто искал того мага, что мне спину вылечил. Хотел его поблагодарить.

– Так он же вчера уехал. Проклятие, – Норонин так сильно хлопнул себя по лбу, что тот покраснел, – забыл тебе сказать.

– Что? Куда?

– На запад. Там же война идет, и, разумеется, маги там нужны как воздух. Он здесь был только проездом.

Аврелиан на мгновение нахмурил брови, но быстро взял себя в руки.

– И, кстати, я тоже должен буду уехать, из-за нее же. Меня зачем-то вызывают в Терт. В столичном отделении про меня вдруг вспомнили и вызвали.

– Час от часу не легче, – ответил юноша, разворачиваясь.

Вечером он провожал Норонина, шедшего в парадном зеленом плаще с золотым грифоном на груди, неся на руках тяжелый ящик с бумагами и бутылками. Долгого прощания не выдалось, старый алхимик очень торопился и лишь пожелал юноше удачи. Аврелиан стоял и махал ему рукой, покуда его экипаж не скрылся за чертой города. Некоторое время юноша грустил, сидя на старой скрипучей лавке под большим деревом. Он думал об уходе из его жизни очередного замечательного человека, и серый купол одиночества над его головой снова стал омрачать его лоб. Но потом он услышал мяуканье над собой и улыбнулся. Он полез за очередным котенком, и, пока поднимался, решил начать наслаждаться жизнью.

Последующие дни Аврелиан старался провести по полной. Он наконец-то познакомился с молодыми согильдийцами, которых раньше он лишь изредка замечал в коридорах да на улице. Из разговоров с ними он понял, что за полгода обучения успел перегнуть многих занимавшихся по три-четыре года, так что он счел справедливой возможность взять нечто вроде небольшого отпуска. Он все еще испытывал некоторые сложности с тем, чтобы завести друзей, но ежевечерние попойки в трактирах помогали скорее преодолеть это препятствие, когда те не заканчивались драками.

С источниками заработка же все становилось сложнее с каждым днем, поскольку люди упорно продолжали уезжать на восток, а проезжающие через город имперские подразделения своим видом еще сильнее подстрекали их. В конце концов это коснулось и гильдии, когда в один день к ним нагрянул статный мужчина в парадной лиловой форме и объявил о наборе добровольцев в армию императора. Хотя он и говорил о добровольцах, все так или иначе пони-

мали, что это единственный для всех вариант, ведь Лин стал слишком пустым местом. Вскоре большая часть гильдии записалась в армию, и молодые люди уселись в тесные дилижансы и двинулись на запад.

Ехать пришлось недолго, всего три дня. Экипажи остановились на выезде из леса, и алхимики бросились на свежий воздух как за водой после вечеринки, в сладкую прохладу высокой травы. Перед ними раскинулась огромная равнина, заповедная неисчислимым месивом из людей в разных цветах одежды и под разнообразными флагами. Сухой гул армии вызывал трепет. Между группами-островками протекали черно-золотые ручьи из императорских легионов, основной силы империи, а также то тут, то там виднелись роскошные мантии магов, которых было не очень много.

Группу Аврелиана ввели в это безумие и подвели к человеку в черных доспехах с золотыми грифоном на груди, шлемом в форме головы этого зверя и похожими на орлиные крылья наплечниками. Их выстроили в линию, и человек в шлеме стал долго осматривать их всех. Шепот, едва зародившийся, немедленно прерывался резким оборотом шлема и тяжелым взглядом золотых орлиных глаз. Наконец воцарилась тишина на долгую минуту, и бронированный человек заговорил:

– Так-то лучше. Вот что, алхимики, я Энорек, меня назначили вашим начальником. Я знаю, что вы многое умеете, в том числе и связанное с лечением, но мы сейчас на войне, поэтому оставьте это магам. Варить вы будете только то, что вам прикажут, – он внимательно осмотрел лица молодых людей и продолжил: – Также помните, вы – не бойцы, и на рожон лезть – не смейте! Ваше дело – сидеть в тылу, но на всякий случай заготовки всяких взрывчатых штук имейте при себе. Все понятно?

Ответом ему было гробовое молчание. Тогда золотой шлем слегка наклонился, и весь ряд дружно закивал и стал говорить слова согласия.

– «Да, господин» будет достаточно. Еще что: в полевых условиях вы пока никогда не работали, и, как я знаю, базовых навыков в магии у вас нет. Смотрите! – командир поднял руку, по-особому сложив пальцы, и перед ней возник светящийся красный рисунок из множества линий. – Запомните эту руну хорошенько. Если вы ее вспомните во всех подробностях, то вы сможете зажигать свои горелки или что-нибудь еще. Скоро вам выдадут форму, и у каждого из вас на груди будет красоваться золотой грифон. Это не только символ великой победы и нашего императора, но еще и штука, которая передает вам магическую энергию. Когда рядом с вами будут наши маги, вы сможете использовать их силу для простейших заклинаний. Так же выучите это, – перед его рукой возник другой, зеленый рисунок. – Лечение простейших ран. Первый приказ: выучить эти рисунки и потренироваться в их использовании. Понятно?

– Да, господин!

– А сейчас – за формой, вперед!

Юноши поспешили в указанном рукой направлении исполнять приказ. Уже через четверть часа они натягивали легкие зеленые мундиры с золотым грифоном. Опытные глаза алхимиков сразу заметили, что сделан он не из золота, а из железа, принявшего золотой цвет из-за специального раствора. Но нетерпеливый и злой взгляд интенданта не дал им обсудить свои наблюдения вслух, поэтому они лишь тихонько усмехнулись.

Страхи и трепет перед войной у молодых алхимиков не оправдались. Они все время проводили в лагере, занимаясь рутинным приготовлением алкоголя для солдат и изредка – некоторых зелий по специальному приказу их командира. Энорек редко появлялся в их жизни, всего пару раз он проверил то, как они выучили руны, и больше не появлялся, передавая приказы через посыльных. К шуму лагеря они привыкли очень быстро, постепенно сближались друг с другом и с некоторыми бойцами. Аврелиану нравилась его новая жизнь, хотя в его груди то и дело вспыхивала мимолетная злость, когда он увлекался беседой с кем-либо, и собеседник

начинал говорить о своей семье и доме. Тогда юноша старался как можно скорее уйти от разговора, благо, вокруг всегда хватало и тех, кто не собирался говорить на такие вечные темы.

Единственными напоминаниями о боевых действиях были неудобная постель и пьяные рассказы бойцов. Последнее было фактически единственным развлечением для молодых людей, которым не позволялось пить свои творения, так что они с жадностью слушали однотипные истории о нападениях и засадах, но рассказанных с энтузиазмом и уникальными подробностями, вроде истории о пальце.

– Я помню, в детстве мама мне говорила быть осторожным, но я ж малой был, и искал приключений, где не надо, – говорил один из солдат, – и пошел, знаешь, как-то в лес. А там здоровенный медведь дрых с довольной мордой. Я в нее и стал тыкать пальцем, он прснулся и откусил мне его! Я так спугался, что даже боли сперва не почувствовал, и побежал домой, решил терь жить как-то спокойнее. Так и жил потом без пальца. Только недавно накопил денех и у мага вырастил новый, а с ним и непос... непос... непоседливость, во! Вернулась. Отправили меня сюда, и я в первом же бою вырвался вперед. Так мне его и соседний один из этих отрубил! – он выразительно показал кисть без указательного и среднего пальцев. – Не бывать мне, видать, целехоньким. Я решил, больше точно не буду их отращивать, а то так без руки останусь скоро.

И многие другие подробности оживляли все рассказы. В целом же обстановка была такая: если в группе был маг, то в основном все обходилось без больших потерь с имперской стороны. Но если же его не оказывалось или он был неподходящего профиля, то в честном бою противник напоминал, как же сильно имперцы зависят от магии, забывая об обычной физической подготовке. Западные варвары, даже находясь в меньшинстве, кровожадно и расчетливо уничтожали солдат Грифона. Ни один бой, где не было мага, не обходился без крупных жертв, совершенно не делавших чести армии.

Но байки солдат, даже подкрепленные шрамами и выражениями, не могли заставить Аврелиана почувствовать себя на войне. Иногда ночью, лежа на сене, покрытом жесткой тканью, он пытался и не мог понять, почему их не могли поселить где-нибудь подальше и просто не забирать у них выпивку на обозах. Так и тянулись долгие одинаковые дни, пока одним утром к ним вальяжной походкой не заявился Энорек, не давший алхимикам даже построиться:

– Алхимики, для вас наконец-то есть подходящая работа! Исходя из докладов разведчиков, в нашем тылу действует неприятель. Возможно это маги захватчиков, наконец осмелившиеся пересечь море. Также это могут оказаться маги других стран, тоже решивших напасть на нас под шумок. Как бы то ни было, на востоке, вглубь от безопасной линии, произошло несколько странных магических происшествий, пара деревень погибло. На месте обнаружили немного блодрака, и вы должны оценить, насколько он чистый и откуда его привезли. Это поможет расследованию и разработке тыловой защиты. Отправляемся немедленно.

Группа юных алхимиков пришла в смятение. Они совершенно не ждали, что им придется на время покинуть эту привычную равнину, полную гула бесчисленных голов людей. Юноши срочно разбрелись по шатрам, в спешке собирая все эликсиры, что могли пригодиться в дальнейшем пути. Когда они вышли, их уже ждал небольшой отряд из имперского легиона, взятый в качестве эскорта. Солдаты молча стояли в ожидании, их серый взгляд выражал лишь натренированную решимость идти по приказу командования. Когда последний алхимик вышел из шатра, отряд во главе с Энорекком двинулся в путь на восток.

Первое время алхимиками владело воодушевление, так что они иногда они в спешке даже обгоняли основной отряд. Командир не мешал им переговариваться, и первые несколько километров шли бурные обсуждения произошедшего. Однако неподвижность последних недель и слабая подготовка к таким переходам дала о себе знать, и юноши попросту выдохлись. Однако солдаты продолжали идти, не замедляя шаг, так что молодым людям приходилось перебежками их догонять. Зелья бодрости практически кончились уже на исходе дня, когда группа

вошла в один из густых местных лесов. Там Аврелиан чувствовал себя прекрасно, у него появились новые силы сразу же, как только он вдохнул этот воздух, напомнивший ему о детстве, даже не нагонявший на него мыслей о его утрате. Очень скоро они дошли до первого подозрительного места. Даже самый неискушенный в магии человек бы понял, что без нее тут никак не обошлось. Среди одинаковых непривычному взгляду стволов оказалась кучка деревьев, сожженных изнутри, до сих пор не остывших, а в нескольких метрах от них, напротив, кора была покрыта толстым слоем инея. Из одного из пней торчала живая голова лося, которую покусывал кролик, убежавший сразу, как увидел пришельцев. Щелчком пальца командир прекратил страдания гибрида дерева и животного, а затем стал выжидательно смотреть на юношей. Зеленые мундиры быстро всполошились и помчались искать остатки магического минерала, рассыпая вокруг серый порошок, неприятно оседавший в носу. Через полчаса один из алхимиков, уже весь покрытый серой пылью, радостным криком сквозь кашель сообщил о находке. Он взял в руки множество мелких камешков, чуть светившихся красным. Тут же вокруг засуетились еще трое молодых людей. Они стремительно разжигали горелки и подставляли лупы, их молодые глаза и руки принялись изучать свойства этих ценнейших камней. Они долго мучились, пока изучали каждую мелочь этой находки, откалывали от них еще меньшие кусочки и бросали их в колбы. На их действия солдаты смотрели с легким удивлением, а другие алхимики – со скукой. В воздухе висели треск и запах пыли, некоторые колбы легонько лопались, и дело временно прекращалось, чтобы алхимики залечили алхимические ожоги. Наконец, нашедший камни выпрямил спину и гордо заявил:

– Блодрак был выкопан на юге Сендума. Скорее всего, в имперских шахтах, – и тут же поник.

На это Энорек ответил тяжелым молчанием. Алхимик поменялся в лице и посмотрел себе под ноги. Он собрался что-то промямлить, но золотой шлем его перебил:

– У нас есть еще несколько мест. Проверим еще там, возможно всякое. Но сперва переночуем.

Отряд ушел из этого странного места и стал разбивать лагерь неподалеку. Пока воины ставили палатки, алхимики принялись делать костер, а затем и зелья для следующего дня. У них всех была тревога на лице, от которой они искали самое простое спасение: забыться в работе. Только Аврелиан ничего не понимал в этом и пытался додуматься, отчего это. Он спросил у одного из алхимиков, что такого ужасного в том, что блодрак с их материка.

– Ты что, совсем тупой?! – опешил его собеседник. – Любое государство всеми силами хранит его запасы и ни с кем не делится, он слишком важен, чтобы пускать его в экономику. Поэтому либо наш враг – предатель, либо очень хитер и изворотлив. Я надеюсь на первое.

Аврелиан долго пытался переварить эти знания, потому присоединился к всеобщему молчанию. Лагерь засыпал в тишине.

На следующее утро отряд вновь двинулся в путь. Беды лесной жизни для городских жителей усугубились подъемом по довольно крутому склону вдоль небольшого ручья. Юноши в зеленом уже всей душой проклинали судьбу и все причитающееся, однако идти им пришлось недолго. В какой-то момент Энорек остановил всех жестом и стал долго водить руками в воздухе перед собой. Между его пальцами то и дело мелькали маленькие молнии, напоминавшие о магических способностях их создателя. Красивый вид увлеченного заклинателя первое время умиротворял, но вскоре нагнал и скуку, и если бы не черные доспехи, то юноши бы уже налетели на него с вопросами, как саранча на пшеницу. Но ожидание все же кончилось, когда он резко махнул руками, и множество сиреневых молний сорвалось с его рук и стало летать среди тени деревьев, заполнив воздух запахом гари и сухим треском. Командир облегченно вздохнул и кивнул головой. Алхимики тут же взялись за работу, заполняя воздух порошком, напроочь убивавшим обоняние и доводившим до иступленного кашля. Работали они усерднее, чем в прошлый раз, так что теперь за серой пеленой уже сложно было разглядеть солнце. Однако

целый час поисков не дал никаких результатов, о чем и сообщили Энореку. Он огорчился и велел продолжить путь дальше. Продолжать путь означало идти наверх, так что уставшие алхимики стали тратить все свои мыслительные силы лишь на то, чтобы придумать ему месть за все эти лишения. Некогда бодрый отряд уже двигался медленно, с трудом переставляя ноги, да и солдаты из-за кашля были не в лучшей форме.

Вдруг послышался крик:

– За революцию! Смерть сильным слабакам!

От него солдаты резко выхватили мечи и встали полукругом вокруг алхимиков. Через мгновение в них прилетели несколько огненных шаров, которые имперцы попросту разрубили сиявшими клинками. Все стали всматриваться в деревья, но ничего не происходило. Вдруг Аврелиан вскрикнул от боли в ноге и обнаружил, что его сапог расплавился. Все оглянулись на него и бросились врассыпную, а земля под ними взорвалась столбом пламени. В это же мгновение показался и скрывшийся противник: к ним вышли несколько человек в настолько рваных и грязных одеждах, что их даже лохмотьями назвать было сложно.

– Проклятые культисты! – крикнул Энорек.

Эти самые культисты стали бросаться ледяными иглами размером с палец, чем доставляли много хлопот магам империи, отводившим их от алхимиков. За их свистом не было слышно никаких приказов, один из юношей упал замертво с пронзенным лбом, а оборванцы лишь махали руками, создавая все новые смертельные куски льда. Одного из них поразил огненный сгусток, но, когда он упал, из него во все стороны понеслись белые ветви молний, поразившие как пару солдат, так и его товарищей. Имперцы стали бросать в культистов потоки пламени, заодно обезвреживая летящие сосульки. Скоро постороннему наблюдателю могло бы показаться, что две группы магов просто стараются выяснить, кто из них знает больше стихийных заклинаний, но алхимикам было не до того, они бросились прочь от боя, и в первую минуту на них и правда не обращали внимания. Это дало имперцам возможность встать плотнее друг к другу, что не могли не заметить культисты. Вдруг под ногами алхимиков из земли выросла стена из каменных кольев, на которых оказались нанизанными двое несчастных. Аврелиан оказался с другой стороны от боя, отделенный от него этой стеной, прикованный к ней проткнутой одним из кольев ладонью, другим же алхимикам пришлось искать обходной путь.

Первое время юноша просто смотрел на свою руку, из которой боль струилась по всему телу, и с ужасом поглядывал в сторону сражения. Несколько культистов убили, и воины императора оказались в большинстве, хотя и они потеряли двоих. Вдруг самый грязный из противников бросил в Аврелиана синий шар, переливавшийся радугой во время полета, и попал юноше точно в грудь. Последним, что видел юноша, было то, как он отлетает, оторвав кончик кола, и летит вниз по склону, после чего его сознание угасло.

Глава II

Во сне Аврелиан не понимал, что происходит. Он видел себя в непонятном сером месте, в некой пепельной пустыне, в которой не было ни дюн, ни облаков, только сплошная ровная земля под невзрачным небом. Песок был столь сыпуч, что следы юноши осыпались и выравнялись под рельеф, стоило ему только поднять ногу. Но это продлилось совсем недолго, уже в следующей картинке сна он был в темной пещере, где перед ним предстал огромный паук с человеческим черепом вместо головы, который весело сказал:

– Приветствую, мой ученик! Тебя ждет великое будущее!

После чего к нему вернулось сознание. Юноше было больно даже думать, но он попробовал пошевелиться. Вся правая рука казалась одной большой тягучей болью, грудь болела во всех местах поочередно, так что некоторые вздохи получались легко, другие же было невозможно сделать. Он издал протяжный стон и попытался открыть застывшие веки, что получилось у него раза с пятого. Вокруг были зелено-коричневые пятна, никак не желавшие принять какую-либо форму. Юноша стал переворачиваться, и боль в ноге дала понять, что та сломана. Юноша вновь застонал, закрыл глаза и попытался подумать. Никаких идей по спасению не приходило на ум, были только мысли о скорой кончине. «Нет никаких шансов. Никого нет, да и не было у меня. Меня не спасут. Проще умереть», – такие мысли роились в его голове. Аврелиан мечтал, чтобы страдания скорее прекратились, он представлял, как его полупрозрачный дух покидает тело и улетает куда-то ввысь, прямо к Великим Ткачам, создателям мира. Долгое время он лежал и ждал смерть, только иногда поворачивая руку в пустых попытках ослабить боль. Боль стала для него всем существом, он понял, что болит у него буквально все, просто кое-что он сначала не заметил. Он чувствовал под головой что-то твердое, какой-то камень, но у него не было сил поднять голову, чтобы попробовать удариться об него и ускорить неизбежное.

Но через время он услышал недовольное бульканье снизу. К его мучениям прибавился еще и голод, который напомнил ему о жизни. Перед глазами пролетело, как Норонин ругал его в самом начале, затем он представил, как согильдийцы смеются над ним, от этого воображаемого смеха он попытался зарычать, но издал лишь стон. Юноша рассердился на свое бессилие, и вспомнил о том, чему его учил Энорек. Он вспомнил ту зеленую руну, представил, что наложил ее на ногу и как она засветилась. Нога стала болеть немного меньше, но немногие силы стали быстро покидать юношу.

– Проклятие! Мага же рядом нет! – прошипел он.

Аврелиан не убирал воображаемую руну. Он понимал, что если не сможет идти, то точно погибнет.левой рукой он впился в землю, трава больно уколола его, но он продолжал. Когда силы стали совсем заканчиваться, юноша уже с трудом мог удержать руну в голове, и она стала медленно гаснуть. Он крепче сжал травинки и вдруг ощутил, что трава стала тверже, потом он почувствовал в руке только мелкий порошок. Однако с этим ему пришли новые силы, он смог открыть глаза и нормально осмотреться. Вокруг него трава превратилась в серую пыль, но нога его почти вылечилась. Аврелиан с изумлением осматривал левую ладонь, но в ней ничего необычного не было, только грязь. Наконец юноша предпринял очередную попытку встать, и это у него удалось. Он осмотрелся внимательнее и понял, что лежит у подножья склона, на который они взбирались. Это было немного заболоченное место, и молодой алхимик был весь вымазан в земле и мокрой грязи. Он достал из-под плаща зелье бодрости, выпил его и пошел прочь от этого места. Его мысли были заняты только голодом, и он жил только надеждой найти кого-нибудь, у кого можно взять еду. Аврелиан долго шел, иногда попивая эликсиры бодрости

и исцеления, поскольку алхимии он верил больше, чем магии, и больную руку решил доверить ей.

Четыре дня без сна он шел, иногда полз. Эликсиры закончились, а рука все еще оставалась продырявленной. Разум юноши мутнел, он с трудом мог разглядеть что-то среди деревьев. Если он спотыкался, то потом долгое время переворачивался с боку на бок, таким способом продолжая движение, пока усталость не отнимала остатки сил. Чувство скорой смерти вновь напало на него, и он в отчаянии стал срывать кору с деревьев и жевать ее. Слабый желудок тут же отказывался от участия в этом, и юношу рвало. Он лежал, еще грязнее чем прежде, и кое-где среди покрывшей его грязи проблескивали островки позеленевшей кожи.

Уже не осознанное решение, но лишь инстинкт заставил его вспомнить о магии. Перед глазами возникла зеленая руна, быстро мелькавшая и изменявшая свои линии. Аврелиан обнял дерево, с которого он рвал кору, и направил руну себе в живот, напомиравший ему ядовитую змею, что ела собственный хвост.

Когда началась магия, он понял, что прежде не знал, что такое холод. Но теперь начал понимать. Его тело словно пронзили десятки толстых ледяных игл, самая большая засела прямо в сердце. Аврелиан заревел, нечленораздельно стал умолять дерево дать ему сил, и, пока он кричал, руна стала меняться. Она разрослась, покрыв перед его мысленным взором все его тело, а края ее разорвались и стали беспечно переплетаться друг с другом в безумном танце. Аврелиан приоткрыл один глаз и взглянул на ствол возле себя. Он видел дерево, но не совсем дерево, он видел сложную фигуру из сотен разнообразных линий, по общей форме бывших деревом. Что-то заставило его протянуть кончики руны к рисунку на месте дерева, и юношу как холодной водой облило. Взгляд мгновенно прояснился, у него появились силы вскочить с места и посмотреть на себя. Рана на руке стала очень быстро затягиваться, боль уходила, а кожа розовела. Даже чувство голода пропало, и юноша закричал от радости. Он оглянулся и увидел, что дерево зачехло, оно постарело за минуту на добрую четверть века и продолжало это делать. Аврелиану стало жаль его, появилось даже чувство стыда перед его безмолвным спасителем. Он быстро убрал рисунок, который все это время незаметно маячил перед глазами, поклонился стволу и побежал.

Скоро голод вернулся. Юноша хотел поскорее избавиться от всех непонятностей, связанных с магией и войной, и просто по-человечески поесть. Вечером он решил принять странный подарок судьбы и принятаться поесть жизненную силу растений. Решил, но ничего не вышло. Он не мог увидеть вместо них тот странный рисунок, как когда был в предсмертном состоянии, как ни старался, как ни фантазировал.

– Да что с этой дрянной магией не так?! – только и смог сказать он.

Той ночью он наконец-то смог лечь спать, хотя живот еще долго сопротивлялся этой идее. Повалившись на землю, он долго бодрствовал, не шевелясь, и чувствовал, как мерзнут его бока, пока не провалился в забытие. Сны ему снились стремительные, едва уловимые для уставшего сознания. Но в один момент ему отчетливо приснилась каменная камера с проржавелой решеткой, в которой был человек с очень длинными неопрятными седыми волосами, с выражением лишь безумия и нечеловеческого ужаса на лице, звавший юного алхимика к себе, и тогда юноша проснулся. Его словно очень хорошо избили за время сна, все тело как будто было в синяках, и уснуть он больше не мог, отчего с великим трудом все же решил встать.

Голод не давал забыть о себе. Алхимик чувствовал, как его тело сжимается и слабеет, каждый его шаг мог привести к падению, что зачастую и происходило. Аврелиан так устал уставать, что перестал верить в существование бодрости. Вот уже второй раз он получил внезапный прилив сил и теперь мучился продолжением своего существования. К вечеру он уже стал думать, когда же ему снова придется практиковать магию. «Может, это меня так учат?» – мрачно улыбнулся он.

Но ему повезло больше. Вечером он услышал, как какой-то мужчина зовет домой свою дочку, и сразу же быстро как торопливая улитка зашагал в сторону источника звука. Он увидел человека средних лет, облаченного в крестьянскую рубаху и штаны, который при виде алхимика издал истошный вопль и побегал прочь. Аврелиан пытался остановить его криком, но споткнулся и упал. Силы оставили его, и ему стало тяжело дышать из-за слабых ребер и пыли в носу. Скоро его окружили люди с факелами, он слышал слова недоверия, но потом сухой голос какого-то старика сказал:

– Да он просто заблудился, причем очень основательно. У него грифон на груди, и мы крупно попадем, если не поможем ему. Отнесите его ко мне.

Юношу тут же взяли под руки и потащили. Он успокоился и наконец-то уснул сном без сновидений.

Проснулся он в маленькой бледно-белой комнатке, когда солнце стояло уже высоко. Правая рука у него была полностью забинтована, и на теле тоже тут и там виднелись бинты. Рядом с ним на табурете сидела молодая девушка с агатовыми волосами, ее тело было полно жизни и молодости. В изящной фигуре уже была видна вся спелость этого плода жизни, и даже голубое платье, вышитое с явным недостатком умения, отчего местами оно было чуть угловато и неряшливо, не могло скрыть ее девичью красоту. Она выжидательно смотрела на юношу своими глубокими глазами, чуть наклонившись к нему.

– Ну наконец-то! – воскликнул ее тоненький рот таким же голоском. – Держите, поешьте.

Она подняла с пола поднос с большой тарелкой остывшего супа. Юноша сразу перестал думать о чем-либо и с остервенением набросился на еду. В полминуты он выел всю тарелку и хищно взглянул на незнакомку.

– Я сейчас схожу, еще что-нибудь найду, подождите минутку, – сказала она и выбежала из комнаты.

Юноша счастливо растянулся на кровати, сколько это позволяла боль по всему телу. Он стал думать, что же делать дальше, и для начала попробовал залечить руку. Он снова представил ту руну, нанес на руку, но очень скоро устал, так что он бросил это дело. Тем временем в комнату вошел старик с несгибающейся ногой, опирающийся на трость, с лицом, выражавшим навечно закаменевшую злость. Он уселся на табурет и спросил:

– Говорить можешь? – по его голосу юноша понял, что именно он накануне спас его.

– Д-да, – с трудом ответил он.

– Хорошо. Ты откуда?

– Я из имперской армии. Алхимик.

– Алхимик? – в глазах старика мелькнул интерес. – Ну-ну. Скажи-ка мне, из чего делается зелье ночного зрения?

– Из корня дуба, щепотки серебра и с примесью порошка из...

Старик прервал его надменным смешком.

– Ясно, простофиля. Ну и алхимики пошли в наше время. Но да ладно, не о том речь. Как ты оказался в таком состоянии у нас, так далеко от войны?

Юноша стал коротко рассказывать ему, что произошло за последние дни. Старик весь искривился, когда услышал, как они искали блодрак, но промолчал. Посреди рассказа в комнату вошла та девушка, принесла с собой тарелку с жареной курицей, и быстро удалилась. Юноша набросился на еду, но продолжал рассказ. Когда он закончил, старик сказал:

– Ясно. Ну что ж, мы честные подданные императора, так что залечим тебя, а ты потом возвращайся на фронт. Меня зовут Теронин, я местный староста.

– Аврелиан.

Староста кивнул и ушел. Юноша ему рассказал и про магию, хотя и встретил у старика только скуку в том моменте. Пока алхимик думал, правильно ли поступил, он закончил есть и решил встать. Это у него вышло, и каждый шаг доставлял ему невыразимую радость тем, что

не отзывался болью в желудке, так что юноша сразу позабыл свои тревоги. Он побродил по дому, нашел выход и пошел на улицу.

Аврелиан оказался в небольшой деревушке всего с полусотней домов. Все здания вокруг были простыми бревенчатыми строениями в один этаж с небольшим хлевом и огородом. Только дом старосты выделялся неким подобием на богатство. Он был дощатый, выкрашенный в голубой цвет, хотя и так давно, что краска покрылась трещинами и в некоторых местах осыпалась, и был трехэтажным. Вокруг дома был садик с беседками, в одной из которых сидела семейка местных жителей. Юноша решил сходить в лес, чтобы попробовать разобраться со всеми случайно открытыми магическими вещами. Он быстро пришел на место и уселся под одним из деревьев. Он вновь вообразил руну и принялся лечиться. Почему-то среди природы он уставал от этого куда медленнее, хотя и лечение шло как лентяй, случайно успевающий на встречу заранее, а не как в прошлый удачный раз. Юноша следил за поведением зеленого рисунка, внимательно смотрел на пересечения линий, и они стали увеличиваться перед его внутренним взором. Несколько раз из-за этого он забывал саму фигуру руны, и она вся гасла, так что приходилось вспоминать ее заново. Думать две мысли одновременно было сложно, но ему казалось, что это принесет какую-то пользу, так что продолжал.

Через час его голова напоминала ему раскаленную металлическую дудочку, через которую сумасшедший маньяк дует и дует, и решил прекратить свои попытки, направившись обратно к старосте в дом.

Там на крыльце он встретил ту девушку, что носила ему еду, и она с испуганным видом вскрикнула:

– Нити Мироздания, с Вами все в порядке?!

– Да-да, – устало ответил юноша. – Только голова болит.

– Сейчас-сейчас! Идите в комнату, я срочно-срочно все сделаю!

Она стрелой умчалась в дом. Аврелиан вошел вслед за ней, после чего направился в свою комнату и упал навзничь на кровать. Через несколько мгновений в комнату ворвалась девушка с ведром воды, стаканом и полотенцем. Она села на край кровати и положила холодную мокрую ткань на лоб юноше.

– Скоро-скоро все пройдет. Я утащила у дедушки обезболивающее, вот, выпейте.

Юноша сделал маленький глоток из стакана и чуть не выплюнул, настолько было горько. Все его лицо растянулось, а глаза заслезились, и он мимолетно глянул на девушку.

– Пейте, всего пару глотков и все пройдет, пожалуйста!

Аврелиан тяжело вздохнул и прошел очередную серию экзекуций. От жжения на языке он и думать забыл о боли в голове, и стал очень протяжно стонать.

– Ой-ой-ой, я забыла размешать?! – девушка выхватила стакан и опустила в него кончик языка. – А нет, все хорошо. Потерпите минутку, пожалуйста. Все-все пройдет, я... я...

Аврелиан упал на подушку и прикрыл веки. Жжение действительно скоро прошло, и боли тоже не было, о чем он оповестил взмахом кисти.

– Ура! Извините, я просто очень сильно испугалась за Вас, у Вас был такой вид, я и принесла что по сильнее. Я думала...

– Да все в порядке, благодарю. Эти мучения ничто в сравнении с теми, что...

– Ой, правда? Вы не сердитесь? Как я рада! А что у Вас случилось? Почему Вам стало так плохо?

– Я просто хотел заняться магией, и...

– Ой, Вы – маг? Правда? И давно?

– Не совсем маг. То есть вроде как почти маг. Ну, как сказать, я случайно открыл этот талант, пока был при смерти. Мне, конечно, нужен учитель, но, пока его нет, я пытаюсь учиться сам, методом тыка.

– И что Вы делали? Вы случайно ничего не сожгли?

– Нет, нет, ты что, – засмеялся юноша. – Я пока изучаю, как она вообще работает. Я знаю одно лечебное заклинание, но у меня оно работает как-то не так, лучше. Но я не могу понять, как именно, и пытался это изучить.

– Так Вы – лекарь? Здорово! Но почему у вас от нее голова болела? Это же лечение! Ой-ой, простите, что я все время перебиваю, я больше не буду, – и она очень быстро стала хлопать пальцами по своим губам.

– Да ничего страшного, мне даже приятно. Лечение лечением, но немного другое. Я раны лечил, а это совсем не то же самое, что снять боль.

– А можно с Вами? Я тоже хочу посмотреть на это, как творится волшебство.

– Я сам ничего толком не знаю, я не смогу тебя ничему научить.

– Я же и не прошу учить. Пожалуйста, хоть одним глазком взглянуть на это! Я в сторонке постою и не буду ничем мешать.

– Хорошо, почему бы и нет? Как тебя зовут?

– Даронита, или Дарона. Когда мы пойдем?!

– Завтра, как я позавтракаю.

– Ура! Все-все, я побежала, время позднее, а Вам нужен отдых.

Девушка умчалась, а Аврелиан блаженно обнял подушку, провалившись в сладкий сон.

Утром юноша проснулся и обнаружил возле кровати небольшой завтрак. Он принялся за еду. В спокойной тишине он слышал, как из-за двери доносились быстрые постукивания ногой по полу. Юноша лишь усмехнулся и продолжил есть. Только закончив с завтраком, он сказал:

– Да входи уже.

Дарона не замедлила явиться с сияющей солнцем улыбкой.

– Мы можем уже идти? Скорее бы!

– Сейчас, я оденусь, и пошли.

Аврелиан встал и натянул свой мундир с плащом, после чего они направились в лес.

– А Вам нужна какая-то помощь? Я совершенно не разбираюсь, извините, но могу взять из дома что-нибудь.

– Пока не стоит, благодарю. И давай лучше на «ты».

– На «ты»? С Вами? Но Вы же маг...

– Начинаящий. Я никогда такого обращения не получал, и с тобой мне как-то особенно неловко.

– Но ведь... – ее лоб выразил сильную мыслительную работу. – Как скажете... скажешь.

– Умница. Так, мы пришли. Теперь, пожалуйста, не мешай и не спрашивай, пока не скажу.

– Ну вот, только на «ты» перешли, а сразу раскомандовался. Хорошо, не буду, – сказала она без малейшей обиды в голосе.

Юноша посмеялся и уселся под грушей, а Дарона села в стороне. Аврелиан посмотрел на свою руку, почти зажившую, отчего немного огорчился, после чего мысленно нанес на нее руну. В этот раз ему было проще следить за маленькими кончиками зеленых ниток, и он ухватился за один из них мысленным взором. В темноте под веками ему казалось, что этот конец будто бы тает в черной воде, но юноша никак не мог рассмотреть очертания волн, расходившихся от него. Он смотрел все внимательнее, и его тело стало напрягаться каждой клеточкой. Словно вдалеке он почувствовал судорогу в ногах, но продолжал смотреть, впитываясь взглядом. Чутье ему подсказывало, что там скрыто что-то очень важное. Вдруг его голова оказалась будто между сдвигающимися каменными плитами, а по телу прошла волна испепеляющего жара. Юноша постарался открыть глаза и увидел вокруг только огромные разноцветные бессмысленные рисунки из линий и фигур. Через эти рисунки протекало что-то, похожее на золотой жидкий огонь, его поток проходил среди всех фигур вместе, но стоило посмотреть на одну из них отдельно, то казалось, что поток появляется ниоткуда и уходит никуда. Одним из

таких рисунков оказался и юноша, он видел себя гигантским кругом со сложной композицией внутри, и в нескольких местах она выглядела неправильно. И на этих местах блестели зеленые точки. Юноша не знал почему, но прекрасно понимал, как должен выглядеть правильный рисунок, и направил волевым усилием золотой поток в эти точки, выравнивая полукруги и круги и соединяя порванные линии. Когда он закончил, то вновь посмотрел вокруг, и перед ним маячил еще один такой рисунок, другой, но похожий. От его присутствия кое-где портился и рисунок Аврелиана, так что юноша решил поскорее вернуться в себя. Как только он захотел, его взор прояснился, и алхимик услышал Дарону:

– ...снись! Проснись! – одновременно с этим юноша почувствовал, как она старательно трясет его за плечи. Он посмотрел на нее, и она сразу прекратила, упала на него и крепко обняла. – Проснулся! Я так испугалась! Ой! – она вдруг отстранилась от юноши. – Наверное, не стоило этого делать, извини.

– Да ничего, мне понравилось, – улыбнулся юноша. – Только не надо меня так трясти перед этим, – девушка улыбнулась в ответ и прильнула обратно.

– Хорошо. Но мне, правда, страшно было. Ты бы только видел себя со стороны! Сначала все было нормально, ты просто со скучающим видом сидел под деревом, но потом!!! Ты побледнел, упал, затрясся всем телом, побелел, а когда ты открыл глаза и стал слепо смотреть по сторонам, и вокруг них была какая-то фиолетовая дымка, я с ума чуть не сошла от страха, – с этими словами Дарона уперлась лицом юноше в плечо и заскулила. – Вы, маги, точно умеете страх нагонять.

– Ну, ну, все же хорошо стало. Зато смотри.

Юноша показал ей свою руку, оказавшуюся полностью здоровой. С Дароны вмиг пропала тоска. Она взяла его ладонь и стала тыкать пальцем в то место, где была дырка, после чего вопросительно взглянула в лицо юноши.

– Нет, не болит. Что ж, я начал понимать, как это все работает.

– Отлично! Но пожалуйста, не надо больше так меня пугать...

– Я постараюсь. Обещаю.

Аврелиан попытался встать, что удалось ему с очень большим трудом. В глазах потемнело, и если бы девушка не подхватила его за локоть, то он бы точно свалился.

– Пожалуй, мне стоит немного отдохнуть.

– Я бы сказала – много. Пойдем домой.

Аврелиану очень понравилось слово «домой». Хотя он и не мог так называть дом Теронина, особенно из-за того, что скоро ему предстояло навсегда его покинуть, юноша и правда вдруг чувствовал себя дома рядом с Дароной. Она чем-то напоминала ему младшую сестру, заботливую и неуклюжую, хотя было что-то еще за этим, наступившее всего за пару дней, даже, скорее, пару часов. Юноша прекрасно понимал, что это было, но не решался высказать это себе, все же ему было страшно привязываться к кому-либо, особенно в тот момент. Но засыпал он, вспоминая того юного согильдийца из первого дня его перерождения.

Проснулся он вечером, и он очень надеялся, что это был вечер того же дня. Юноша встал и ватным шагом пошел по дому искать Дарону. На кухне же он встретил Теронина, который принялся прищуром осматривать начинающего мага.

– Ага, проснулся. Отлично. Внучка мне сказала, что ты выздоровел. Когда отправишься уже на фронт?

– Я не знаю. Пока я слишком слаб для этого. Я обещаю, что отправлюсь сразу же, как приду в себя, – нехотя ответил юноша.

– Смотри мне. Даронита вздумала очень пещься за тебя, а лечить ее потом от нервного срыва из-за твоего уезда я не хочу. А уехать тебе придется.

– Я понимаю.

– Прочь с глаз моих!

Юноша дернулся от неожиданности и ушел. Он вышел в сад, где в беседке обнаружил мрачную Дарону. Она сидела, неподвижно глядя на луну. Ее губы чуть подрагивали, но ничего не говорили. Юноша засмотрелся на нее, окрашенную белым светом, казавшуюся печальным привидением, потерявшим свой мрачный мертвый дом.

– А, Аврелиан! – она наконец заметила его. – Как ты?

– Я... хорошо, иду на поправку.

– О, за-замечательно. Скорее бы, – сказала она медленно, и одними губами прошептала «нет».

– Хорошая сегодня ночь, красивая.

– Да, я люблю такие. Обычно они очень успокаивают.

– Дарона, а расскажи о себе немного.

– Ой, я даже не знаю, – она мгновенно оживилась. – Мне особо нечего сказать.

– Да хоть что-нибудь.

Последующие часа три Аврелиан в подробностях слушал ее историю. Оказалось, что она родом из-под столицы. Ее отец был очень деятельным человеком и все время придумывал разные способы, как поднять доходы семьи, так что они жили припеваючи. Но затем на них как с неба свалились какие-то долги, с которыми было очень сложно расплатиться. Дарона была тогда очень молода и не могла никак понять, почему вдруг они стали должны каким-то очень богатым господам, но не расплатиться, по словам отца, было смертельно рискованно, так что в какой-то момент он отвез ее к Теронину, который почему-то мог не бояться этих богачей. Ее часто навещали, и собирались уже забрать домой, поскольку дела отца после расплаты пошли в гору, но началась война, и он не приехал. Она боялась самого плохого, но Теронин успокаивал ее тем, что тот, скорее всего, сейчас зарабатывает на войне.

К концу рассказа она уже клевала носом и в конце уснула. Юноша приобнял ее, накрыл своим плащом и так и остался. «Попал, так попал», – подумал он и уснул с ней на плече.

Утром солнечный свет разбудил молодых. Дарона смутилась и убежала готовить завтрак, а юноша остался в саду. «Вот это – настоящая магия, а не те глупости с лечением», – думал он с улыбкой. Он смотрел на траву вокруг, ожидая зова девушки. Он услышал крики Теронина и захотел пойти на выручку, но понял, что действительно виноват. Его разрывало: остаться или пойти, но крики быстро кончились, и Дарона вышла, позвав завтракать. С тяжелым сердцем юноша вошел в дом и направился на кухню. За столом был и староста, однако злобы больше обычной тот не показывал. Первое время разговор не клеился, так что старик стал говорить о войне.

– Глупости все. Политические глупости. Почему К'юст не может уже дать корабли? Они как-никак наши вассалы, что им мешает? Нам нужно самим напасть, вот что я скажу! Да, немного запад потерроризируют, но когда поймут, что дома все плохо, то уплывут как миленькие.

– Но ведь западные земли разорятся, пока до них дойдет. Им нужна защита, – вступил в спор юноша.

– У всего есть цена. Пусть лучше потом больше золота наш император потратит на восстановление своих земель, чем сейчас разорится на защиту. Или ему хочется свой трон расплавить?

– А если не дойдет? Или если они на своей земле смогут защититься, и мы и там проигрим? Мы же можем совсем проиграть!

– А если, а если... Драконы в свое время о таком не думали, уничтожая собственную страну из тщеславия. А здесь не пороки, но холодный расчет.

– Возможно. Что ж, я пойду.

– Я тоже! – воскликнула девушка.

Теронин проводил молодых грозой во взгляде, но промолчал. Они же пошли вновь в беседку. Первое время молчали.

– Он же не просто так о войне заговорил, – прервала тишину Дарона.

– Да, он намекает, что мне пора уходить. Всеми силами.

– Почему он не может просто оставить нас в покое на эти пару дней?

– Понятия не имею. Он, видимо, очень ответственный. И верен империи.

– Да вот нет. Как я знаю от папы, по молодости дедушка действовал против закона, и бросил это только от скуки, но власти к нему никого не направляли.

– Против закона? По нему не скажешь. Что злой старый дед мог утворить?

– Не представляю, он никогда это открыто не рассказывал. Аврелиан, а ты готов вернуться туда?

– Нет. Мне... я отвык от той жизни, пусть и меньше чем за неделю. Да и я не знаю, в каком качестве вернуться. Пошел я туда алхимиком, а теперь я недомаг. И хочется влиться в это с головой, магия все же могущественнее во много раз. И ты не привязан к реагентам и подобному.

– Могущественнее... – девушка стала отстраненно смотреть вдаль, после чего продолжила: – А мы... Нет, глупости. Может, займешься сейчас магией? Это поможет тебе... там.

– Думаю, можно.

Они вернулись в лес и заняли те же места, что и прежде. Аврелиан погрузился в себя, пытаясь вспомнить то состояние. Он смотрел на себя внутренним взглядом, стараясь увидеть ту структуру, которой он был, но лишь думал о Дароне, о скором расставании с ней. Душу юноши заполнили тени, не сулившие ничего хорошего. Чем глубже он смотрел, тем гуще становились они. Он понял, что у тьмы очень много оттенков. Он уже стал забывать, что делает, но почувствовал, как Дарона взяла его руку. Он грустно улыбнулся, и тени во тьме стали таять. Скоро он смог увидеть свой рисунок и открыл глаза. Вокруг снова была мешанина из линий и золота. Юноша же устремил свой взор на место, где была Дарона, и золотой поток там стал подрагивать. Он все смотрел на бессмысленные переплетения, и мир вокруг нее стал принимать обычные свои очертания. Скоро он смог увидеть даже ее тень, но сама она была для него сумасшедшим чертежом для некоего ритуала. Юноша дернул головой, быстро поморгал, и перед ним вновь очутилась прекрасная девушка.

– Получилось! – оповестил он.

– Ура! Можешь встать?

Юноша встал, полный сил.

– А теперь расскажи, что же ты там увидел.

Он рассмеялся и ответил:

– Ну, тебя я увидел большим кружком, испещренным внутри кучей линий, и с золотым потоком чего-то светящегося.

– Эм... Здорово! А что еще ты видел?

– Все вокруг было примерно таким же. Только менее красивое. Но я смог видеть тебя такой одну.

– А что это значит?

– Понятия не имею. Но себя я вылечил, починив свой рисунок. Погоди-ка.

Юноша снова погрузился в это состояние, на сей раз гораздо быстрее. Потом он стал смотреть на рисунок вдали и ждал, пока все вокруг не станет нормальным, после чего сказал:

– А тот дом выглядит как кучка загогулин, нагроможденных друг на друга, связанных плетением линий, похожем на куст роз.

– А как дерево выглядит?

Через минуту он сказал:

– Примерно как ты, только не круг, а треугольник.

– А трава?

Так они изучали магическим зрением все предметы вокруг еще около часа. Потом они пошли прогуляться по деревне, разговаривая о пустяках, вроде разницы между рисунками двух одинаковых домов или кричащей на своего мужа бабушке из одного из них. Вечером они поужинали, послушали жалобы Теронина и пошли в сад, говорить о звездах. Спать Аврелиан ложился с блаженством и тревогой.

Утром он сразу же направился в сад, где присел в беседку. Он наслаждался утренней прохладой, стараясь не думать о будущем. Он был сильно удивлен тем, что не встретил никого в доме, но старался не думать и об этом. Он любовался восходящим солнцем, качающимися ветками деревьев, вслушивался в их мирный такт. Но наслаждение моментом длилось недолго, скоро он увидел бегущую к нему Дарону, очаровательно покрасневшую от бега. Девушка подбежала, и, запыхавшись, сказала:

– Аврелиан, совсем забыла предупредить! У нас сегодня гости. К дедушке приехала его старая подруга. Только не думай, что это моя бабушка, прошу тебя!

– Я уж постараюсь. А почему я должен так подумать?

– Увидишь... Ты хоть позавтракал?

– Нет еще. Я совсем позабыл.

– Глупыш. Пойдем, сделаем тебе что-нибудь.

Они пошли в кухню. Девушка упорно старалась чему-то научить юношу, сковородки в ее руках так и мелькали, но он только любовался изгибами ее тела и пропускал мимо ушей все ее наставления, отчего у Дароны возникал легкий румянец на молочного цвета щеках. Из-за этого готовка полностью легка на хрупкие плечи девушки, чему Аврелиан не успел смутиться, поскольку их блаженство прервал голос Теронина, обращенный, однако, не к ним:

– Малитрия, да разлюби ты его уже на старости лет!

– Я его ненавижу, а не люблю! – ответил ему скрип, отдаленно напоминавший человеческий голос.

Молодые вышли в гостиную, где на диване застали старика в компании старой женщины. Юноша тут же понял, почему Дарона просила не думать, что прибывшая была ее бабушкой. Женщина была очень полной, с дряблыми руками и сальными, криво постриженными волосами, со сгорбленной спиной, примерно одного возраста с Теронином. Но главное было в лице. Если у старого алхимика была злость как у мраморной статуи, то у нее она была живая. Огромные морщины на носу, рот ее никогда полностью не закрывался, образуя небольшой напряженный круг вокруг потрескавшихся зубов, ее нижние веки застыли, наполовину закрывая глаза. Старики продолжали свою беседу как ни в чем не бывало:

– Тогда почему ты, старая карга, до сих пор твердишь о нем спустя столько лет?!

– Ты забыл, во что он превратил мою жизнь? После всего что мы пережили, он просто уничтожил меня!

– Зачем тебе о нем думать, тупая засохшая ты коряга? Успокойся и доживи уже конец своих дней спокойно!

– Ты – мужик, тебе не понять силу женской ненависти. Только на ней я живу последние годы!

Старик схватился за голову.

– Да не отомстишь ты ему сейчас уже! Забудь! Успокойся, чтоб тебя живьем черви сожрали! С его тщеславием, лучшая месть – забыть его! Твоя же злоба только быстрее загонит тебя в гроб.

– Не раньше, чем тебя, сын болотной гнили и смердящего куска дерьма, я вас обоих еще переживу!

– Ну-ну, – закатил глаза старик и наконец обратился к молодым людям: – Внучка, вы что-нибудь поесть приготовили?

– Да, дедушка.

– А это тот маг? – Малитрия наконец заметила Аврелиана. – А ты красивый, – сказала она с особой злостью. – Дароночка, не доверяй ему. Он точно заставит тебя мучиться.

– Спасибо за совет, – холодно ответила девушка. – Но я не воспользуюсь им.

– Такая же тупая, как я в твоём возрасте! – махнула рукой женщина. – Идите отсюда, наслаждайтесь собой, дураки!

Повторять не пришлось, они тут же умчались из дома. Вместе они были напряжёнными и недовольными, точно старики их заразили своим жизненным кредо. Они, не сговариваясь, пошли в сторону леса, и по пути у девушки затряслись кулачки.

– Ненавижу, когда она приезжает! Всегда настроение портит.

– А надолго она?

– Вряд ли. Обычно она гостит всего пару дней, но как же выматывает! – для выразительности Дарона потрясла поднятыми руками.

– Эй, не думай об этом.

– Я бы рада...

У Аврелиана бешено заколотилось сердце при виде поникшей девушки, он стал метаться глазами в разные стороны, пока в голову не ударила мысль при взгляде на одно из деревьев.

– Дарона, а ты часто лазишь по деревьям?

– По деревьям? Если честно, нет. Мне дедушка не разрешает, да и я все же городская...

– Ну, раз уж тебе на голову свалился не кто-нибудь, а настоящий маг, мы это исправим! За мной!

Дарона смутилась, но побежала за алхимиком.

– А ты уверен, что это хорошая идея? – спросила она у подножья дерева.

Вместо ответа юноша взял ее на руки и поднес к ветке. Девушка засмеялась и осторожно взялась за нее, после чего Аврелиан помог ей влезть выше и поднялся к ней. Они лезли все выше, к самой верхушке, как вдруг девушка оступилась и чуть не упала, раздрав себе колено. Она уселась на ветке и зашипела.

– Аврелиан, спасибо, но все же это не очень...

Испуг на лице алхимика резко сменился самодовольной улыбкой, и Аврелиан сказал:

– Я же маг! – и принялся лечить ее.

Его ухмылка быстро передалась Дароне, и уже через несколько минут они стали бодро играть в догонялки, перепрыгивая с кроны на крону и изредка исцеляя ушибы и царапины. Когда же они устали, то спустились, и затем в пешей прогулке по лесу беспечно болтали. Вечером они смотрели на звезды в своей беседке, наслаждаясь присутствием друг друга и слушая перекрикивания Теронина с его подругой.

Утром он вновь встретил старосту. Старик сразу заговорил:

– Поздравляю, нервный срыв ей обеспечен!

– Но я...

– Помолчи, – сквозь зубы перебил Теронин. – Ты молод, я понимаю, поэтому не обращаюсь к твоему разуму. Подумай о ней. Она же думает только о тебе. Мы встаем раньше тебя, так что я наслушался уже. Драконья задница с ее отцом, который будет против вашей пары, я бы и не против. Но ты солдат, а сейчас война. Ты все равно уйдешь на войну, но чем дольше ты с ней пробудешь, тем сложнее вам будет расстаться. Будь мужчиной, одолей свою боль и уйди наконец!

– Да я понимаю! Я тоже об этом думаю, но это же невозможно просто принять!

– А у других получается. Или ты в дезертиры решил записаться? И посидеть здесь, под ворчание старика?

– Да как Вы можете! Нет, я...

Вдруг их спор прервал крик с улицы: «Они здесь!»

– Проклятие! – воскликнул Теронин и быстро ушел в подвал. Юноша растерялся, но бросился во двор.

Наконец Аврелиан увидел своих врагов. К ним выбежали воины в легкой броне и в шлемах с натканными повсюду металлическими рогами разной формы. Они были вооружены короткими мечами со странными сияющими в середине лезвиями, издававшими противный треск и сыпавшими яркими белыми искрами. Противники резво сократили дистанцию до первых домов и бросились на крестьян. Несколько человек с вилами они разрубили на ходу, даже не замедлившись.

Аврелиан очень вовремя вспомнил об огненной руне и присмотрелся к одному из воинов. Тот предстал перед ним сложной мешаниной знаков, и юноша стал мысленно наносить в наименее густых местах руну. Он услышал крик и убрал магическое зрение. У бойца горело лицо и часть руки, так что тот упал и стал бить лицом по земле.

Тем временем юноша проделал то же самое с другим захватчиком, с тем же успехом, но почувствовал слабость.

У крестьян дела обстояли ужасно. Один крепкий мужчина смог проломить шлем одному из воинов топором, но через мгновение голова этого крестьянина слетела с плеч. Аврелиан поджег еще одного бойца, на сей раз целиком, но сам чуть не повалился без сил. К юноше ринулась пара воинов, и он приготовился прощаться с жизнью.

Вдруг он увидел, что один из врагов за забором схватил что-то. Воин поднял это чуть выше ограды, и Аврелиан разглядел в его руке Дарону. Мир резко стал серым и очень медленным. Меч вторженца двигался к ее горлу медленнее улитки, а юноша тем временем уставился на него магическим взором. Он видел лениво текущий золотой поток, чей путь пролегал по четко очерченному руслу. Юноша не успел даже подумать, когда стал мысленно ломать линии, отчего золотое пламя стало растекаться во все стороны. Другой инстинкт заставил Аврелиана броситься на помощь, и, пока он бежал, рисунок мечника угасал. Юноша вернулся к нормальному зрению и увидел, что тот резко уронил меч и упал. Аврелиан подхватил девушку на руки и понесся к дому. На крыльце он сделал глубокий вдох и чуть не уронил Дарону. Он обернулся и увидел еще одного несшегося на него бойца. Не успел юноша прошептать девушке главные и последние слова, как из окна вылетела колба, и, разбившись у ног нападавшего, взорвалась, отчего тот отлетел. Его руки улетели в другом направлении.

Из дома вышел Теронин, вооруженный множеством колб и склянок, и протянул юноше красный камушек.

– Чтобы колдовать легче было, – сказал старик и очень быстро для своих лет помчался в гущу бойни.

Аврелиан с блодраком в руке продолжил ломать бойцам потоки энергии, и скоро благодаря их с Теронином усилиям последний вторженец пал замертво. Вне опасности юноша повалился на ступеньки дома под охи Дароны.

Теронин скоро явился с улыбкой на каменно-злом лице и протянул ему зелье. Юноша выпил и почувствовал отдохновение, благодаря чему встал.

– Ну ты и хитрец, маг.

– В каком смысле?

– Такую магию я в своей веселой жизни ни разу не видел. А я насмотрелся многого, меня трудно удивить.

– Так а что я сделал?

– Ты ж состарил их до смерти!

– Что?!

Аврелиан пошел к одному из трупов и стянул с него шлем. Под ним оказалось лицо древнего старика, с навечно застывшим изумлением на неподвижном лице. Волосы его были сплошь седые, хотя никакой лысины видно не было. Юноша посмотрел на него магическим

взором и увидел лишь множество порванных линий, словно старое рваное платье. Жизни в нем уже не было.

Тем временем выжившие собирались вокруг сада, со страхом и вопросом глядя на своего лидера. Теронин напустил свой мрачный вид и сказал:

– Война перешла куда дальше. Теперь здесь небезопасно. Все! Срочно собирайте вещи, какие можете унести, берите лошадей и двигайтесь на восток, сообщите о нашем несчастье. Немедля!

Люди бросились врассыпную, а старик ушел в дом. Юноша с Дароной пошли за ним и стали собирать еду в дорогу.

Через полчаса люди вновь собрались у трехэтажного строения, ожидая дальнейших приказов. Юноша сидел в беседке и пытался хоть немного успокоить девушку, бывшую в истерике. Наконец в верхнем окне показался староста, опирающийся на трость, и сказал:

– Вперед! – люди засуетились, но продолжили стоять на месте. – Я не могу пойти с вами. Сейчас для вас я буду лишь обузой. Спасайте свои жизни, не меня. Я больше вам не нужен.

Медленно вереница людей двинулась прочь из мертвой деревни. Дарона же помчалась в дом, и Аврелиан едва за ней поспевал. Она влетела в комнату и бросилась с объятиями на бывшего старосту.

– Дедушка! Не надо! Пошли, пошли с нами! Зачем, зачем ты оставляешь меня одну?

– Даронита, милая, приди в себя, – отвечал он, поглаживая ее спину. – Я слишком стар и не готов к переменам. Мне только помирать осталось, я же едва хожу.

– Я понесу тебя на плечах! Не надо, не бросай меня!

– Дурочка. Ты можешь спастись, и должна это сделать. Ты можешь найти своего отца, и он убережет тебя. Я не гожусь для этого.

– Но ты же спас деревню!

– Не я один, – он посмотрел на Аврелиана, а потом вновь опустил взгляд. – И это спасение отняло у меня еще пару лет жизни. Уж лучше я умру здесь, в своем доме.

– Но...

– Даронита! – он сорвался на крик. – Иди!

И он отпихнул ее, отчего сам чуть не упал. Девушка разревелась и убежала вниз вместе с молодым магом. Они примчались к концу шествия, начинавшего уже набирать скорость.

– Здесь... – начал юноша.

– Да, нам...

– В общем, ну...

– Мы...

– Нам пора разойтись, – наконец смог вымолвить Аврелиан.

– Да. Аврелиан?

– Что?

– Скажи, если... Хотя нет, не так. Пообещай мне, что если... что *когда* война закончится, то ты... найдешь меня, придешь ко мне.

– Я... Я, если выживу...

– Нет! Не говори так. Ты выживешь! И я выживу! И мы вновь встретимся, и мы...

– Да, обещаю. Мы будем вместе. Клянусь.

Они обнялись и расплакались. Девушка очень тихо шептала просьбы остаться, но юноша все равно их слышал. Когда выжившие скрылись среди деревьев, к ним подошла Малитрия, схватила Дарону за руку и потянула к отступающим.

– Нет! – кричала девушка.

– Пошли, дура! Красавчик, если ты ее ценишь и любишь, оставь ее и иди к армии! Даронита, не сейчас, потом вы поплачете, а может и встретитесь, но сейчас надо уходить!

Девушка все же подчинилась, дрожа всем телом и обливаясь слезами. Аврелиан бросился за ней, но старая женщина его отпихнула.

– Слепец и идиот! Оставь ее, я не под венец ее тещу!

Все же молодые сдались. Но юноша еще долго смотрел вслед ей, пока не начало темнеть.

От долгого бездействия его мышцы как будто затрепали при ходьбе. Юноша решил остаться переночевать в доме старосты, прежде чем покинуть это место. Дома он услышал кряхтение старика, который подзывал юношу к себе. Аврелиан только глубже погрузил лицо в подушку, но ничего не ответил. Тогда Теронин сам к нему пришел, согнутый всем телом.

– Будешь пить? – спросил он.

– Нет. Мне не до того.

– Уж сколько я в жизни видывал и знаю, даже лордам в такой ситуации очень даже до выпивки.

– Я не буду, благодарю.

Старик же поставил рядом с юношей стакан, благоухавший спиртом.

– Такого вы, поди, на фронте не готовили, – сказал Теронин и выпил из другого стакана. – Попробуй.

Юноша молчал, глядя в подушку.

– Раз уж есть на свете такое чувство, значит и я когда-то такое испытывал. Это больно, но это еще не катастрофа. Все же вы оба это испытали.

– Ну и что?! Сейчас между нами растет расстояние, и доживем ли мы до следующей встречи – очень большой вопрос. Да и кто знает, что может приключиться за это время?!

– Много всего. И многое будет неприятно. Такова уж жизнь, ничего не поделаешь. Ненавижу все это.

– Да Вы! Чего Вам так не имелось омрачить все? Я же все равно бы ушел, но от ваших напутствий я даже не решился сказать ей, что я чувствую.

– Но глазами-то сказал. Ладно, старина, я пойду тогда.

– Не надо. Драконья задница уж с Вами.

Аврелиан выпил содержимое стакана. Перед глазами вмиг помутнело, и долгое время юноша издавал лишь нечленораздельные звуки, бил матрас и махал руками. Теронин на это лишь грустно улыбался. Затем юноша повалился обратно на подушку и задремал.

Утром он долго не мог заставить себя встать с кровати. На душе ему было легче, чем накануне, и следов похмелья он тоже не ощущал, но тоска навалилась со всей своей силой на молодого мага. Одиночество сильно пугало юношу, вновь наступившее после едва промелькнувшей надежды. Он долго мучил себя вопросом, почему он не решился уйти вместе с ней. Выбросил бы грифона, и про него бы даже не вспомнили, ведь он ушел в магию. Он пытался заставить себя поверить, что просто хотел победить этот ужас, лавиной навалившийся на неповинных людей, но тщетно. Он просто не знал, как правильно поступить, и поступил как ему сказали. Дарона так и не вошла в комнату разбудить его, и от этого было больнее с каждой секундой. Именно эта боль от воспоминаний заставила Аврелиана встать с постели и выйти в сад.

Мертвая деревня была неподвижна. Повсюду были следы нападения, от взрывных зелий старосты многие дома повалились, так что все выглядело как после урагана.

Тела вокруг тоже не перемещались, хотя мухи уже успели облепить их. Только их жужжание было слышно вокруг. Юноша заметил в саду Теронина, сидевшего прямо на земле. Он был так неподвижен, что сперва Аврелиан принял его за очередное тело. Юноша подошел к старику.

– Уже уходишь?

– Видимо.

Старик глотнул.

– Так ты маг. Интересно. Тебе что в дорогу нужно?

– Да, в общем, ничего.

– Хоть еды себе сделай. До линии фронта далеко, если она не передвинется вглубь страны.

А зная наших военачальников, передвинется она не скоро.

– Я думаю, как-нибудь справлюсь, спасибо.

– Как в армию подашься?

– Ну, просто приду, объясню все.

– Ты грифона-то почисти. Ты пока этого не ощутил, но для них это очень важно. У меня в подвале лаборатория, там все сделай.

– Хорошо.

Юноша ушел. В подвале оказалось просто темное сырое помещение, заполненное всяким хламом. Юноша искал что-то похожее на стол, но ничего не обнаружил. Когда он уже собирался уйти, он заметил на полу след в пыли, как будто от открывавшейся двери. В стене оказалась спрятанная дверь, за которой была неосвещенная комната. Юноша порыскал в основном зале, нашел фонарь, зажег его магией и вошел в скрытую комнату. Лаборатория оказалась обустроенной даже лучше, чем в гильдии. Стол был раза в полтора больше, и рядом стоял еще один, поменьше. Большой был загроможден листами бумаги и свернутыми свитками, а среди них лежала маска. Она выглядела как идеально скопированное лицо человека, возрастом примерно как у самого молодого алхимика. На ней не было даже пыли, она была как будто чем-то отдельным от мира, существовавшая сама по себе. От ее вида пошли мурашки по телу юноши, и он решил работать за другим столом. Он сделал на нем раствор для озолочения, после чего нанес его на грифона на мундире. Он слегка разбрызгал его, так что на его одеянии тут и там были пятна золота.

Довольный результатом, юноша вышел наверх. Теронин, выпрямившись, копал яму.

– Что Вы делаете?!

– Скоро здесь будет такой смрад, что даже я почувствую. Тела надо закопать.

– Э-э-э-э-э-э...

У юноши появилась паника. Он трясся всем телом и непрерывно бил себя по щекам.

– Д-д-д-давайте я помогу... – с красным лицом предложил юноша.

– Возьми лопату в подвале, – безучастно ответил старик.

Аврелиан стрелой слетал в подвал и обратно и принялся за работу. Он копал в несколько раз быстрее Теронина, и скоро из ямы было не выглянуть. Потом юноша со стариком стали бегать и таскать тела в яму, после чего закапывали их. К концу Теронин вдруг вытаращил глаза и упал. Юноша бросил лопату и подбежал к старосте.

– Что с Вами?!

– Ничего, ничего. Зелье бодрости закончило эффект. Жить мне осталось, видимо, пару дней. Оно сильно истощает в моем возрасте.

– Вас отнести в дом?

– Да.

Юноша осторожно приподнял его за спину и медленно пошел под непрерывные стоны старого алхимика. Аврелиан поднес его в некогда свою комнату и медленно положил на кровать.

– Спасибо.

Теронин тут же уснул. По его прерывистому дыханию было ясно, что он все же жив, и молодой маг оставил его в покое, сам направившись закончить работу.

Вместе они закапывали только те тела, что были неподалеку от дома старосты, и юноша хотел сходить похоронить других, но понял, что непомерно устал. Он пошел на кухню, в надежде сделать себе хоть какой-нибудь обед. Своими скудными поварскими навыками он все смог сделать себе нечто вразумительное и наелся.

После еды Аврелиан вошел в комнату к Теронину. Старик не передвинулся за прошедшее время, лишь стал дышать немного тише. Его злое лицо искривилось гримасой боли, из-за чего он выглядел как смертельно раненный, но несдающийся воин. Скрюченные пальцы иногда будто старались что-то схватить, но безуспешно.

Аврелиан долго стоял в раздумьях. С одной стороны, ему следовало уже уходить. Но и бросать старика не следовало, особенно из-за того, что это был дедушка Дароны. Да и не мог юноша, после своих утрат, так просто бросить на произвол судьбы беззащитного и бессильного человека. Все же он решил остаться, хотя бы до утра.

В течение дня он практиковал свой магический взор. Он стал получаться уже одним желанием, что очень удивляло юношу. Зрение как-то менялось в зависимости от какого-то желания юноши, иногда он видел вместо предметов огромные непонятные рисунки, а иногда – просто сами предметы, но состоящие из линий и загогулин, с кучей свободного пространства внутри. В его прогулках на него напали мухи. Рядом с ним оказался с десяток трупов, и он попробовал их сжечь. Посмотрел магическим взором и стал всовывать в рисунки огненные руны. Результаты были непредсказуемы. Некоторые прекрасно разгорались, у других же немного подгорала одежда, но скоро тухла. Разбираться в том, какая часть переплетения чем являлась на самом деле юноша не успел, поскольку быстро терял силы и выдохся очень скоро.

Следующий день прошел так же скучно. Теронин все не просыпался, а Аврелиану делать было решительно нечего. Он пару раз практиковался в сжигании трупов, прочие тела хоронил, где приходилось; наделал несколько зелий на дорогу, с опасением поглядывая на маску.

Вечером юноша стоял над телом старика. Тот никак не желал вернуться из забытья, так и не сдвинувшись ни мускулом. Лишь грудь его то поднималась, то опускалась, и больше ничего. Аврелиан посмотрел на него магическим зрением и сразу понял, что старик совсем плох. Вместо сияющего сложного орнамента, собранного словно из туго натянутых струн, среди которого был золотой поток жизни, текущий через особое место, через круг, певший радостью, как у Дароны, был едва тлевший старый клубок, из которого та самая жизнь утекала как вода через сито. В чертеже творения было не разглядеть отдельных элементов, все было слишком запутанно и затеряно. Аврелиан осторожно приложил зеленую руну в это. Некоторые дыры заштопались, и старый алхимик вдруг открыл глаза. Он с любовью посмотрел на мага и пролепетал:

– А, друг мой! Как давно я тебя не видел. Скажи, как ты? Как поживает... – вдруг он оскалится и твердо сказал: – А. Это ты. Точно. Я и забыл.

– Как Вы себя чувствуете?

– Скверно, но вроде бы живой. Долго я?

– Два дня.

– Даже так... Странно, почему я проснулся?

– Я вас немного подлечил.

Теронин глухо рассмеялся. Потом посмотрел в глаза юноше и произнес:

– Верно, ты же маг. А ты уже готов уходить, как я вижу, – он взглядом указал на пояс Аврелиана.

– Да, видимо. Или, не совсем. То есть, я-то могу, но с Вами что станет?

– Со мной? Буду долго и мучительно помирать в одиночестве, что же еще. Иди ты уже.

– Но я же не могу Вас так бросить!

– Внучка же моя смогла, и ты сможешь, – он криво улыбнулся. Аврелиан нахмурил брови и немного отошел от кровати, а Теронин растянулся на ней и продолжил:

– Видишь, уже хочешь уйти. Так иди же!

– Ну нет! Я же маг! Я могу Вас вылечить!

Улыбка исчезла с лица старика. Он стал смотреть в потолок. Смотрел он так долго, что Аврелиан решил, что тот уснул, но открытые глаза говорили об обратном.

– Даже если и можешь... Все равно, просто иди, – сказал, наконец, старик, и юноша даже дернулся от неожиданности.

– П-почему?

– А что мне твое лечение? Ну, положим, вылечил ты меня. У меня снова сила в плечах и огонь в заднице. А что мне с этим делать? Деревни моей больше нет, Дарона только мечтала от меня поскорее избавиться, друзья... – он залился безумным смехом, отчего закашлялся, но скоро успокоился. – Их и подавно нет.

– Но Вы можете начать новую жизнь! Вы же алхимик, а они всегда нужны, вы долго были лидером...

– Пф. Новая жизнь – не для меня. Я за свою насмотрелся всякого, нет уж.

– Понятно. Что ж, мне жаль.

– Знай ты меня пораньше, точно не жалел бы. Иди.

Юноша вышел. Позади он слышал кашель Теронина, но не хотел к нему идти. Он уселся в саду, неподалеку от братской могилы бессмысленных врагов. Он смотрел на луну, ни о чем не думая. В какой-то момент у него зачесался нос: на него села бабочка. Юноша чихнул, она вспорхнула и стала кружить вокруг. Аврелиан тихо смотрел за ней, улегшись на траву. Насекомое очаровывало его, вырисовывая один и тот же круг. Потом он стал дремать, и она снова села ему на нос, и юноша уснул.

Во сне он снова был в тюрьме. Он сидел в камере, уставившись на решетку. За стеной он слышал шепот, а затем в коридоре он услышал шаги в железных сапогах. Когда звук шагов приблизился к его камере, то они прекратились, а шепот за стеной перешел в нечленораздельный крик, после чего шаги возобновились. Перед камерой оказался древний, изъеденный ржавчиной доспех, из-под которого виднелось голубоватое свечение. Вдруг разрез в шлеме повернулся к юноше и крикнул:

– Нарушитель!

После чего Аврелиан сразу проснулся. Только начиналась заря, небо едва светлело, а вокруг была тьма и холод. Юноша сильно озяб за ночь. Он вновь вошел в дом. Из комнаты Теронина доносились неразличимые бредни, сильно раздражавшие мучившегося Аврелиана. Он пошел на второй этаж, взял с кровати одеяло и завернулся в него. Он встал у окна и стал смотреть на рассвет. Утреннее солнце не радовало его, ведь скоро ему предстояло идти именно туда, куда направлялся небесный диск. Аврелиан трепетал. Ему не хотелось оставаться, но идти убивать захватчиков хотелось еще меньше. В конце концов, он услышал шаги за спиной. Юноша оглянулся и увидел Теронина. Старик весь трясся, от гордости во взгляде не осталось даже воспоминаний, так старик поплохел. На глазах застыли слезы, все его тело оперлось на старую трость, но левая рука упорно тянулась к юноше, содрогавшейся в конвульсиях ладонью указывая на него.

– Авре... Авре... – просвистел старик. – По-помог...и мне.

Юноша вскочил и подбежал к нему. Он отвел Теронина к кровати и усадил на нее.

– С-спа...

– Не за что! Чем Вам помочь?!

– Уб.. убе...

Старик тяжело задыхался. Он стал разглядывать свои руки, будто пытаясь успокоиться. Аврелиан стоял рядом, глядя на старика магическим взором. Тот был совсем плох с этого ракурса. Жизнь вытекала из него бурным потоком, и юноша не мог поверить, что это можно исправить. Наконец, старик сказал, глядя в пол:

– Убей. Меня.

– Что?!

– Я не знаю. Когда это. Закончится. Помоги.

– Но ведь должен быть другой способ!

– Может. Но... Не для меня. Или просто... Оставь меня.

– Но... Л-л-ладно.

– Возьми нож. Внизу.

Юноша спустился в кухню. Нож на столе блестел как глаза волка безлунной ночью. Юноша осторожно взял его, оттер от жира. Несколько раз он его уронил, прежде чем пришел к старику. Тот не поменял свою позу.

– Вы точно уверены?

– Как никогда. Давай, парень.

Юноша обошел кровать. Он смотрел на серый затылок, огромный из-за седины. Юноша занес нож, но старик его прервал:

– Знаешь. Ты больше не алхимик. Но если захочешь помочь кому-то из них озолотиться.

Скажи ему, пусть придет сюда. Я нашел способы, как удешевить и ускорить создание огромного множества тех или иных дорогих зелий. Ты, я думаю, видел мои записи. А теперь – давай!

Аврелиан стоял перед стариком, и не решался никак выполнить его просьбу. Теронин не выдержал и крикнул:

– Что еще?!

– Скажите, а та маска у Вас в подвале...

Старик вдруг мечтательно улыбнулся.

– Маска Арчиско. Это была моя величайшая и лучшая ошибка в жизни. Но об этом долго говорить. Сделай это наконец!

Юноша глотнул и сделал то, что требовалось. Старик размяк, и глаза его закатились. Алая кровь полилась на кровать, ознаменовав смерть этой деревни, чье название Аврелиан так и не спросил. Юноша же не стал задерживаться и убежал прочь из этого места.

Глава III

Аврелиан шел на запад несколько дней. Будучи полным сил и помня о своем лесном детстве, он уже прекрасно выживал среди деревьев, находя съедобные травы и кустарники. При помощи магии он смог даже убить бродившего неподалеку оленя и зажарить его на костре. Как раз за этим занятием его застал патруль имперской армии. Несколько солдат окружили молодого человека в одеяниях алхимика, предупредительно направив на него кисти правых рук, готовых выпустить несколько боевых заклинаний. Один из людей в черно-золотых доспехах обратился к встревожившемуся юноше:

– Кто ты и что здесь делаешь?

– Я иду на фронт, господин. Я отбил от отряда и иду обратно.

Аврелиан продемонстрировал уже поблекшего грифона на груди, осторожно раздвинув плечами плащ. Говоривший солдат медленно подошел к нему с неопущенной рукой и дотронулся до грифона другой кистью. Он закрыл глаза и немного пошевелил губами, после чего опустил руки и сказал:

– Хорошо, амулет и правда твой. Где тебя завербовали? – с этими словами солдат достал небольшой листок бумаги и выжидательно посмотрел в него.

– В Лине.

Солдат немного пробежал глазами по листку и спросил:

– Ты под руководством Энорека?

– Да.

– Хорошо, доставим тебя туда. Ты почти дошел, Аврелиан Витанский.

Юноша встал и пошел за хмурыми бойцами. Через полчаса он услышал шум лагеря армии, еще через несколько минут перед ним вновь расстелилась шевелящаяся разноцветная равнина. У юноши сперва закружилась голова от такого количества всевозможных звуков, порожденных тысячами людей, объединенных единой проблемой.

Его привели на окраину того массива людей, к его командиру в неизменном золотом шлеме. Солдат, шедший впереди, позвал того по имени, на что Энорек повернул голову и застыл, уставившись прорезями для глаз на Аврелиана. Эскорт немедленно удалился, и юноша остался в одиночестве крутить носком ступни в земле перед начальством.

– Аврелиан, как ты выжил?!

– Это было... странное чудо, господин.

– Подойди ко мне.

Аврелиан глотнул и подошел. Энорек стал внимательно осматривать юношу с ног до головы, особенно внимательно следя за теми местами, где некогда были раны. Он взял его ладонь, ранее пронзенную насквозь, и увидел лишь абсолютно здоровую плоть, словно юноша ее даже не царапал никогда. С недоверием солдат посмотрел и на вторую, но был вынужден признать, что Аврелиан действительно здоров и цел.

– Расскажи, где ты был и что с тобой сделали?

– Господин, после нападения я был почти мертв. Только благодаря беспощадной воле к жизни я смог проползти к ближайшему дереву, и дальше пошло что-то совсем странное. Я увидел все вокруг сложными плетеными рисунками, – в этот момент Энорек задержал дыхание, но не перебил, – и каким-то образом смог починить свой. Затем я оказался в какой-то деревне, где я учился немного этому странному зрению, но на нее напали, люди покинули ее, а я направился сюда.

– То есть. Ты хочешь сказать. Что самостоятельно. Без наставников. И даже, в крайнем случае, книг. Обучился высшей магии?!

– Э-э-э...

– Смотри, – Энорек поднял свою ладонь, и над ней зажглась руна. – Ты можешь сказать, что она делает?

– Нет, господин.

– Хорошо. Попробуй ее использовать на вон том камне.

Юноша использовал магическое зрение и врисовал в небольшой булыжник этот знак, после чего посмотрел обычным взглядом. Камень вдруг покрылся влагой.

– Если в нем сделать небольшую дырку, то из нее потечет чистая вода. Но я не почувствовал, чтобы ты использовал мои силы. Не думал, что у меня под боком скрываются такие таланты.

– Эм, спасибо.

– Потом благодарности. Тебя нужно перевести к магам, чтобы от тебя был здесь толк. Не трать же твой потенциал на алхимию! Только вот учителей у нас сейчас толком нет. Но что-нибудь придумаем. Ты вообще как чувствуешь, что тебя больше тянет?

Перед глазами юноши пронесся бой. И вид людей, искалеченных войной, их разорванные и окровавленные трупы заставили его ответить без сомнений:

– Целительство.

В ответ юноша услышал лишь усмешку. Энорек сказал ему пока побыть с алхимиками, а сам удалился куда-то вглубь армии.

Аврелиан направился к шатрам своих согильдийцев. Те упорно создавали видимость работы, погруженные в откровенную скуку. Увидев своего товарища, они издали возглас удивления и пошли встречать его. Оказалось, что его считали погибшим, поскольку сложно было представить себе его спасение. Около половины алхимиков из отряда погибли, однако не похоронили лишь Аврелиана. Из солдат же потеряли лишь двоих, их противником оказался Культ Жизни, сборище фанатиков, которые верили, что революция и Война Ткачей времен древней империи не выполнили свою главную задачу: дать простому люду свободу. И теперь они стремились принести людям эту самую свободу, страхом заманивая все новых и новых членов в свои ряды. Однако для имперской армии они были лишь небольшим недомоганием в этой войне, поэтому на них почти не тратили силы. Услышав же рассказ юноши и узнав про его планы стать магом, алхимики сперва пришли в восторг, а затем немного огорчились. Один из них, потерявший в бою глаз, немедленно обратился к юноше с некоторой насмешкой:

– А ты это залечить сможешь?

Аврелиан, помня прошлый свой опыт, не на шутку испугался. Он опустил взгляд и собирался было отнекиваться, но он увидел вокруг себя лишь хищные взгляды. Волки в алхимических плащах уже готовы были броситься на растерзание молодого мага, отчего по его телу растекался жар. Засохшими губами он сказал:

– Без проблем.

И сразу вновь использовал свое особое зрение. Юноши вокруг отхлынули от фиолетового свечения в его глазах, отчего Аврелиан лишь улыбнулся и протянул руку вперед. Раненый, колеблясь, наклонил к нему голову. Аврелиан внимательно изучал его, после чего стал исполнять уже привычную процедуру. Он обнаружил, что если лечить не себя, то силы покидают тело не так скоро, хотя у него и слегка закружилась голова. Скоро все ниточки встали на свои места, маг посмотрел привычным образом на своего соратника и обнаружил, что у того сначала появилась небольшая дымка на месте пустой глазницы, которая стремительно уплотнялась и принимала нужную форму. Через каких-то полминуты алхимик удивленно смотрел вокруг обоими глазами, шепча слова изумления. Аврелиан же с победным видом оглядел стоящих вокруг. Глаза волков обратились взглядами овец. Только хотел юноша сказать еще что-то победительное, как услышал голос Энорека:

– Определенно тебе надо в целители.

Аврелиан оглянулся и увидел своего командира в компании мага в бело-голубой мантии.
– Готов уже к великим свершениям? – улыбнулся второй пришедший.

На его улыбку юноша ответил лишь немного виноватым взглядом, словно ребенок, обронивший завтрак прямо на глазах у мамы.

– Такого я давненько не видел. Тебя бы к архимагу нашему направить, вот он бы тебя обучил как следует.

– Благодарю, господин.

– Пойдем, у нас много работы, юноша.

Аврелиан пошел вслед за целителем, кивнув на прощание своему командиру. Его повели сквозь лагерь к стоянке магов его специализации. Путь вышел долгим, поскольку молодой маг все время терялся, когда между ними проходил всадник или какой-то солдат звал его приготовить выпивку. Только его компаньон вечно выручал его и находил затерянного в толпе. Наконец они пришли к целителям.

У одних из самых ценных на фронте магов было соответствующее положение. Они стояли отдельно от всей толпы, окруженные кольцом часовых. На их земле даже трава не была полностью истоптана, да и запаха отходов не стояло. Только от шума защиты никакой не было, однако то, как на них смотрели прохожие, спокойные походки его будущих коллег, которые мило беседовали о насущных делах – все это внушало чувство особенности и позволило юноше без проблем потерпеть это лишение. Его привели к старому магу с безупречно белой бородой, корпевшего над лежащим в траве телом некоего лорда. Он заживлял многочисленные царапины на лице онтого, чтобы не оставить шрамов. Когда маг завидел юношу, то обратился к нему, не прекратив свое дело:

– А, это ты тот гений высшей магии?

– Да, господин.

– Так просто принять комплимент о своем гении, – мечтательно уставившись в небо, сказал целитель. – Да, тебе точно дорога в магии. Итак, что ты умеешь?

– Я толком сказать не могу. Я просто научился видеть все неким рисунком и управлять им.

– Да, тасурум. Так это зрение называется. Теперь ты понимаешь, почему мы верим, что мир сплели Великие Ткачи?

– Похоже на то.

– Хорошо. Что ты делаешь с нитями?

– Ну, я использую руны, что мне показывал Энорек. Я их как бы вплетаю, и что-то происходит. Я убил нескольких захватчиков, вплетая руну огня, и они загорались, а еще нескольких я, как бы это сказать... я сломал их нити, и они состарились до смерти.

– Вау. Это что-то интересное. В твоём роду не было... магов очень узкой специализации?

– Нет...

Целитель отпустил лорда и повел юношу в свой шатер. Там было множество белых подушек, на которые они расселись.

– Я думал, что старых викариев вроде меня невозможно удивить. Но, видимо, я ошибался. В общем-то, все обучение магии заключается только в том, чтобы научиться тасуруму, рунам и их использованию. Большинство магов так самому тасуруму и не научаются, только косвенно его используют. Их разум входит в специальное состояние, в котором они могут использовать его, так и не увидев. Но ты у нас особый случай, и твоё обучение пройдет явно быстрее прочих. Войди в него, пожалуйста, на пару секунд.

Аврелиан выполнил его просьбу незамедлительно.

– Так быстро... Ты меня немного пугаешь. Не все архимаги могут похвастаться такой скоростью. Ну, хорошо, начнем с простейших рун.

С этого момента началось очередное обучение. Аврелиан выяснил, что его руна лечения только чудом подошла, поскольку он перепутал пару плетений, когда вспомнил ее в первый раз. Он стал учить знаки для вывода яда из тела, для избавления от всяких болезней и для разнообразных восстановлений. На каждую он затрачивал не более дня, память не стала играть с ним в забывалки и быстро привыкла к этим условиям. Учился юноша на лягушках, которых специально для его обучения завезли в лагерь. По словам его наставника, скоро он смог бы одним лишь желанием делать привычные заклинания, даже не используя тасурум. Сердце Аврелиана разрывалось от гордости за свои успехи, уважение старших и зависть равных возвышали мальчика из Контанто в своих глазах до уровня дракона или даже выше. Особую гордость он испытывал, когда обращался к алхимикам за выпивкой. Он театрально скрывал свое чувство превосходства, чем зарабатывал себе прекрасных ненавистников. Но накануне окончания его двухнедельного обучения случился поворотный момент его жизни, о чем юноша сперва даже не задумывался.

Он ради тренировки взял неподвижную лягушку с оторванной задней лапой. Заклинание на восстановление оторванных частей тела требовали недюжинных сил, но для столь маленькой твари требовали лишь мимолетной усталости как после короткой легкой пробежки. Однако после исцеления перепончатое создание не стало никак себя вести, так и оставшись недвижно лежать в ладони. Юноша попробовал еще сильнее подлечить ее, отчего зеленый прыгун стал немного ярче, словно помолодев, но все равно не зашевелился. Юноша использовал тасурум и увидел, что жизнь уже покинула лягушку. Ее узор был безупречен, но в нем не было золотого потока пламени. Аврелиан заинтересовался и попробовал исправить это, положив лягушку на землю, после чего соединив ее с узором травы и направив немного жизни в нее, после чего разорвал их связь. Лягушка тут же упрыгала в другом направлении, а огонь в ней стал очень быстро расти, пока не принял нужные размеры. Аврелиан же побежал рассказывать это своему учителю. Тот очень долго молчал с широко раскрытым ртом и немного дергавшимся глазом.

– Что-что-что-что-ЧТО ты сделал?! Воскресил лягушку?! Ты ничего не путаешь?!

– А почему Вы так думаете? – испугался юноша.

Целитель на несколько секунд отвернулся и посмотрел вдаль. Он рассеянно сказал:

– Потому что по-хорошему это невозможно. Может, тебе все же показалось?

– Нет, господин, я понимал, что делаю, и все видел. В ней не было жизни, в этом я уверен наверняка.

– Я даже не знаю, что сказать. Вообще эти твои слова о потоке жизни звучат как-то странно... Но если работает, то, возможно, ты прав... Хотя с другой стороны... Не важно! Я поговорю с коллегами, и мы еще поговорим об этом с тобой. Но завтра тебе предстоит уже выбраться в поле. Герцог Расендский тоже прослышал о твоих талантах, и он хочет, чтобы ты не тратил его впустую.

Аврелиан кивнул. Его сильно смутило такое заявление, хотя и порадовало его самолюбие. Засыпал он со смешанными чувствами, которые заслонили собой даже предвкушение будущих свершений.

На следующее утро у шатра его уже ждал коренастый мужчина с широким лицом и хитрыми глазами, верхом на рыжем коне, облаченный в оранжевую мантию.

– Хорошее утро, Аврелиан, – поздоровался тот. – Меня зовут Экзонис, нам с тобой сегодня предстоит веселая работа.

– Хорошее. А что мы будем делать?

– Наш неприятель решил сосредоточить силы и укрепился на побережье. Это большая оплошность, но они пока об этом не знают, и мы должны объяснить им, почему они неправы. Если ты уже готов, выдвигаемся прямо сейчас!

– Э, хорошо.

Юноша тоже оседлал лошадь, и они двинулись из лагеря. Экзонис долгое время молчал, пока лагерь не скрылся за горизонтом.

– Я слышал о твоих великих способностях. Как ты смог так быстро освоить то, чему целители учатся чуть ли не всю жизнь?

– Я даже не знаю. Я был при смерти, и в какой-то момент почему-то у меня включился тасурум. А потом все как-то совсем просто пошло.

– Удивительно... Будь осторожен, парень, могущество – это очень опасная вещь. Но мне кажется, что тебя ждет в любом случае великое будущее.

– Наверное, – сказал Аврелиан и неподвижно уставился вдаль.

– Что тебя гложет?

– А? Да так, мелочи.

– А выглядишь так, словно у тебя убили всю семью.

Аврелиан от неожиданности так рассмеялся, что чуть не упал с лошади.

– Вообще-то так и есть, – наконец сказал он и вмиг помрачнел.

– Ой!

До неприятеля они доехали в молчании. Скоро магам открылся вид их стоянки. Лагерь варваров решительно отличался от такового у имперцев. Дикари были тихи и строги, несколько сотен их солдат в ветвистых шлемах стояли ровными строями, шеренгами передвигавшиеся по площади лагеря, и только стук сапог нарушал мрачную тишину, да изредка это же делали их командиры, отдававшие приказы на их языке.

Лагерь был окружен металлическим сетчатым забором с монолитными темными сооружениями вроде квадратных башен на равном расстоянии друг от друга, от них исходил тихий треск, а сетка забора жужжала и изредка выбрасывала искры, из чего имперцы решили, что у дикарей есть какие-то маги. Наверху же башен стояли солдаты с непонятными трубками в половину их роста наперевес, оканчивающимися треугольным механизмом, покрытыми узорами. Да и в самом лагере было полно разнообразных вещей непонятного назначения, вроде металлических шаров размером с голову, чего-то похожего на алхимический стол, но на котором жарилась еда, и совсем уже необъяснимых металлических коробок на колесах, размером с несколько быков. Пленных не было, хотя их трупы можно было заметить в решетчатых клетках, утрамбованных до совсем уже нечеловеческого состояния, отчего Аврелиану сделалось дурно. Самих же магов неприятия видно не было.

– А ведь их рассеянность было их единственным спасением, – сказал Экзонис и протянул ладонь в сторону лагеря.

Он немного пошевелил пальцами, отчего над ним загорелось пламя, которое стремительно разрасталось, а затем пошло прямо на дикарей огненной лавиной. Огонь прошел по стенам и стал уничтожать все на своем пути внутри лагеря. Маг поднял другую руку, и на другой стороне лагеря возникло такое же пламя. Воздух почернел от дыма и запел воплями молчаливых и бесстрашных варваров. Потом маг щелкнул пальцами и от него полетел скрипящий белый шарик. Когда шар долетел до стен, из него во все стороны полетели ветви молний, также неприятно насаждавшие случайно выжившим дикарям. От их воплей и запаха горелого мяса Аврелиану стало плохо, он то и дело подлечивал себя своими новыми приемами и с изумлением смотрел на своего напарника, развалившегося в седле и со скукой смотревшего на происходящее.

– Хорошо, что так мало людей так хорошо знают боевую магию, а то что бы с нами стало? – сказал он.

– Вы не архимаг случайно?

– Нет. До него мне еще учиться и учиться. Ладно, хватит с них уже, мы не только за этим приехали. За мной.

Тогда маги тронули коней и помчались вперед. В пару секунд они оказались перед одной из башен, и Экзонис стал всматриваться в стену. Аврелиан тоже посмотрел тасурумом в камень и увидел вплетенную в узор по всему рисунку очень простенькую руну, из-за которой часть стены перед ними рассыпалась. Они въехали в образовавшуюся дыру, и перед ними предстал некогда живой лагерь. Всюду была копоть и пепел, немногие тела имели некое подобие нормальной человеческой формы, и только треск огня нарушал нависшую тишину. Хрипы бившихся в агонии людей были похожи на извращенное щебетание птиц, Аврелиану казалось, что они как будто оказались в другом мире, где бал правило разрушение.

– Возможно, я немного перестарался. А теперь ты мне поможешь.

Они спешили и стали пересекать территорию пепелища. Среди углей боевой маг нашел одно тело, что слегка подергивалось. Он перевел взгляд на юношу, а затем снова на тело. Аврелиан тут же принялся исцелять раненого. Он только дивился, откуда в безногом почерневшем теле могла взяться жизнь. Юный маг долго пытался дать телу шанс на спасение, но все его старания были слишком слабыми, потому он пошел на отчаянный шаг и передал ему часть собственного золотого пламени. После этого он весь покрылся потом и тяжело задышал, но сделал свое дело, и дикарь был как новенький.

– Ты про блодрак не забывай, тебе же легче будет, – наставническим тоном сказал Экзонис. – А ты у меня сейчас как коренной имперец заговоришь.

Он положил большой палец на лоб их пленнику, после чего спросил:

– Ты меня понимаешь?

– Да.

– Отлично. Раз уж мы наконец-то можем поговорить, скажи: откуда вы на нас свалились?

– Лучше убей меня. Я ничего не скажу, – ответил допрашиваемый с некоторой гордостью. За это маг сжег ему обе ноги, отчего глаза пытаемого полезли на лоб с такой силой, что могли выскочить из орбит.

– Аврелиан! – юноша дернулся от неожиданности и вылечил ноги несчастного. – И мы можем это продолжать ему очень много раз. Откуда вы?

– Нет!

Пытка повторилась.

– Откуда вы?

– Из-за моря!!! Великий вождь приказал нам захватить все прочие земли! Он...

Маг заставил голову солдата лопнуть, отчего Аврелиан пришел в замешательство.

– Зачем Вы убили его?!

– Аврелиан, цель нашей миссии – запугать этих неразумных. Они все равно ничего толком не скажут, но нам сейчас это и не важно. Пойдем.

Высший маг пошел дальше, а Аврелиан задержался, разглядывая кровь, обгравившую его белую мантию. По рукам пошел холодок, заставивший его оцепенеть.

– Что случилось?

– Но зачем мучить этих несчастных? Разве этого погрома, что Вы устроили, не достаточно?

– Сейчас надо запугать кого-то одного, чтобы он сбежал и рассказал о наших ужасных пытках своим собратьям, вот и все.

– Но зачем так жестоко?

– Аврелиан, я слышал, что ты был в деревне, вырезанной этими варварами. Ты хочешь, чтобы это продолжалось? Чтобы несчастные люди теряли свои семьи? – перед глазами молодого мага тут же пронеслось лицо Дароны, отчего он вздрогнул. – Этой война, Аврелиан. Война. И мы лишь исполняем волю нашего милостивого императора, который желает процветания его подданным. Возможно, мы и жестоки. Но лучше быть жестоким, чем мертвым.

– Наверное, Вы правы...

– Пойдем, нам надо работать.

Аврелиан пошел дальше, волоча отяжелевшее сердце. Он всеми силами пытался заставить себя просто следовать приказу, но в глубине души желал только того, чтобы это как можно скорее кончилось.

Еще долгое время по крупицам они собирали информацию. Наконец, когда они покончили с десятком солдат, одного из которых Экзонис как бы случайно не до конца убил, они покинули лагерь. Аврелиан с величайшей радостью въехал в живую степь, где уже не было запаха горелых тел, и на пару километров опередил своего напарника, пока не спохватился и не стал ждать его. Экзонис тоже повеселел и снова начал разговор:

– Слушай, Аврелиан, ты не в курсе, почему твой наставник так побледнел вчера? Я как его увидел, так сам испугался.

– Просто я ему рассказал, как воскресил лягушку, и он...

– ЧТО?! – маг так и застыл. Через несколько секунд он медленно спросил: – Ты точно в этом уверен?

– Да... Это было не так уж и сложно, просто я ее исцелил, но она не стала прыгать, и я проявил немного фантазии.

– Нити Мироздания...

– Почему все так этому пугаются? Это же действительно было просто!

– Просто если это так, то ты – некромант, – сказал ему Экзонис с потерянным видом.

– Кто?

– Ну, некромант. Маг жизни и смерти... Но это очень странно...

– Что?! – теперь застыл уже юноша. – Как такое может быть? Я же даже не из рода магов!

– В том-то и дело, что не может. Про некромантов разве что ходят страшные сказки еще из времен Войны Ткачей, но живую их еще никто не видел. Способные управлять самой природой в самом могущественном ее проявлении, бессмертные и властные, они могут практически все, что угодно. И тут этим оказываешься ты... Нет, что-то здесь не так.

Радости этот разговор не принес никому. Однако по возвращении в лагерь Аврелиан не мог найти себе места, ему не верилось, вот так просто ему с неба упала возможность вернуть всех своих близких! И стать известным на всю империю, или даже дальше. Идея о могуществе, так неосторожно сказанная Экзонисом, заглянула в его сердце, так что юноша валялся на земляном полу в своем шатре и крутился, задыхаясь и неостановимо вращая руками. Ему хотелось выбежать наружу и кричать от счастья, и в какой-то миг он не выдержал и действительно бросился в шум толпы и сладкий воздух, где вновь встретил своего наставника.

– Аврелиан, с тобой все хорошо? – спросил он с озабоченным видом. – Тебя не знобит, там, может, помощь какая нужна? Все же первый выход в бой.

– Нет-нет! Вы что, я так счастлив не был никогда в своей жизни! Правду говорят мудрые, в этом мире возможно совсем все! Если я некромант...

– Это вряд ли, – целитель сказал это так резко, что Аврелиан невольно успокоился. – Парень, я понимаю, ты очень талантливый, но некромантия это уже за гранью фантазии. Пожалуйста, успокойся.

– Да почему Вы мне не верите? Я же своими руками воскресил ее, и еще солдата там, на задании!

Ответом ему была высоко поднятая бровь.

– Просто... Вы же знаете, *что* мы там делали? – в ответ решительный кивок. – Так вот, когда мне было нужно исцелить первого из них, я видел, что он уже был мертв. И его я тоже вернул к жизни, просто используя свой поток жизни.

– Дракон тебя сожги, юноша. Я уже побеседовал с архимагом, даже он и близко не видел ничего похожего на это твое золотое пламя. Конечно, я не обращался к драконам, но мой опыт подсказывает, что этого и не требуется. Аврелиан, я полагаю, что просто твой разум придумал

это для удобства, тасурум на самом деле каждый человек видит по-своему, потому возможно и то, что ты не так все понимаешь, а те, кого ты якобы воскресил, просто были ну очень плохи.

– Но я же видел!

– Жизнь долгая, мы, возможно, еще разгадаем эту тайну. Но сейчас не до того. Отдохни пока что.

– Хорошо, – с тяжелым вздохом ответил молодой маг.

«Но я же видел! Эх, нет на них надежды», – подумал он, и решил не говорить больше никому о своем открытии.

Последующий месяц сильно измотал юношу. Мысли о некромантии и слова старших об этом заставили его вновь стать молчаливым, так что ему осталось только продолжить заниматься на лягушках. Однако то, как упомянул драконов его наставник, очень удивило его, и он спросил у Экзониса во время следующей вылазки:

– Господин викарий, Вы можете рассказать мне о драконах?

Его напарник удивленно уставился на него.

– А что про них рассказывать? В смысле, и без меня хватает историй об их подвигах и всем прочем. Что именно ты хочешь узнать?

– Просто я... Ну, просто мне хочется узнать, кто же они такие. Просто если я правильно понял, то они обладают разумом...

– А ты думал, что драконы – это бездумные летающие монстры? Вау! Ты читал хотя бы про Войну Ткачей?

– Честно говоря, нет.

– И кому... Не важно. Я расскажу про них, когда закончим.

Они как раз подъехали к очередному лагерю. Очень быстро он тоже стал сиять веселыми огоньками, после чего маги принялись искать выживших дикарей. Аврелиану было все так же противно от их работы, и лишь напоминания Экзониса о воле императора немного успокаивали юношу. Он не мог так легко принять, что делает такие ужасы под чьим-то руководством, но все же понемногу смирялся с этим. Когда же наконец его душевные муки кончились и они направились обратно в лагерь, его напарник вернулся к прежнему разговору.

– Драконы – это самые великие маги. Когда-то давным-давно, еще в домагическую эру, несколько человек смогли каким-то образом порвать ткань Мироздания в месте, что сейчас называют Началом Мира, и таким образом открыли в себе дар магии. Они решили сделать себе облик великих чудовищ из древних легенд и превратились в огромных разноцветных крылатых монстров, покрытых чешуей, и сделали в Начале Мира специальный ритуал, дарующий такую форму. Потом они, обладая великой силой, покорили весь мир и создали Империю Драконов. Но однажды один из них, красный, решил, что они слишком несправедливы к простым людям, и решил дать власть в наши руки. Началось восстание, переросшее в полноценную гражданскую войну. В конце концов повстанцы победили в ней, спустя пару сотен лет, и создали новые государства, одно из которых – наша империя. Но драконы, что были на нашей стороне, не погибли, а стали заниматься неизвестно чем, однако в политику они больше не лезут.

– Но тогда почему красный... – у юноши выступили слезы на глазах.

– Что такое? Только не говори...

– Мою деревню убил красный дракон.

– ЧТО?! Алое Крыло Революции, пламенный защитник людей убил ни в чем не повинную деревню? Аврелиан, ты точно сошел с ума! Ты бредишь, ау! Такого быть не может! Сначала ты говоришь о некромантии, теперь *такое* о самом благородном из драконов, нет, с тобой точно что-то не в порядке! Как ты вообще мог подумать о таком?

– Просто, когда я шел в Контанто, я видел в небе дракона, что стремительно удалялся от нее. И мне стало ужасно плохо, когда он пролетел надо мной, а потом я увидел, что стало

с людьми, они просто были в ужасе, их тела были скручены от какой-то муки, и они все были мертвы.

– Тогда я могу поверить, – маг усиленно стирал со лба пот. – Наверняка это не более чем совпадение. Возможно, он увидел что-то такое, что очень его огорчило, и он не сдержал чувств. Драконы в этом плане вообще тяжелые существа, их настроение все тотчас чувствуют. Но я уверен, что их убил не он, нет, это просто не мог быть он, мое слово!

– Ладно-ладно, я Вам верю, – защитился руками юноша.

Экзонис издал несколько мычащих звуков, после чего ехал, глядя под ноги своего скакуна.

В лагере Аврелиан откровенно скучал. С каждым разом он все больше привыкал к военным действиям, и уже не трясся ночью в обнимку с подушкой, когда вспоминал очередного несчастного, которому даровал жизнь, отнятую через минуту. Иногда он навещался к алхимикам, но они не горели желанием разговаривать с высокомерным магом-гением, и он просто просил у них немного посидеть за алхимическим столом. За этим шедевром инженерной мысли он вспоминал славные времена в гильдии, когда он верил, что алхимия – это настоящее чудо, не идущее ни в какое сравнение ни с чем другим. Он вновь и вновь создавал разные зелья, вспоминая такое недалекое, но уже оставленное прошлое. С благоговением он вдыхал пары и следил за цветом раствора, так привычно чувствуя себя простым человеком.

Однажды он присутствовал на одном очень важном заседании герцога Расендского о планах на ближайшее будущее.

– ...И поскольку побережье уже стало практически безопасным для мирного населения, мы можем переходить в контрнаступление, – говорил полный мужчина, чья седина требовала признать в нем старика, но сталь и пламя в глазах не давали языку повернуться, чтобы назвать его таким, одетый в темно-зеленые одежды. – Поскольку К'юст продолжает отказываться строить нам суда, мы воспользуемся посудинами этих варваров. Раз уж они смогли пересечь на них море, значит до их материка совсем не так далеко, как нам казалось. Потому мы примерно за месяц сможем доплыть туда. Осталось лишь добыть эти самые корабли. Теперь их придется не топить, а освобождать от захватчиков, так что, господа маги, попрошу вас приберечь самые разрушительные заклинания до высадки.

Эти слова означали новый этап войны. При этих операциях Аврелиан временно оказался не у дел, потому смог заниматься больше чем когда-либо. В ожидании плавания он думал о своей роли в этой войне, но никак не вязалась у него долгая череда неудач с геройством. В перерывах от занятий не только целебной магией он сидел возле шатра и смотрел на отдыхающих солдат. Те травили друг другу байки о своих великих подвигах, за которые их должны были удостоить минимум титула графа, и завидовал им. Ведь его подвиги было неприятно даже вспоминать, что уж говорить о том, чтобы рассказывать случайному собутыльнику. Тоска не покидала юношу, она была будто тень в сером плаще, вечно бродившая подле него, напевая печальную мелодию, но не просившая ничего. Как старый друг, который пришел в гости спустя пару десятков лет, и лишь молча видом своим навеивает приятные воспоминания, но сказать с ним толком нечего.

Чтобы юноша не тратил свой гений впустую, его направили в один из отрядов по зачистке. В самый первый раз они делали засаду, и он сидел на ветке с другим магом, Оккасетом. Тот сидел в развалку, то и дело создавал в руке острую сосульку и чистил ею ногти.

– Ну что, мистер гений, каково это: быть среди простых смертных?

– Не особо я рад своему гению, – Аврелиан покосился в сторону.

– Да ладно? Не рад стать неофициальным высшим магом за месяц? Тебе корона там не давит?

– Да если бы я сам научился. Я уже побаиваюсь этой силы.

– Услышал бы тебя мой братец! Бедняга до сих пор даже неопита не получил, вот ему будешь говорить о своем страхе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.